

K

H

C

18+

GA

A z i

D

Трёхмерный мир

Azio

КЮС

«Автор»

2026

Azio

КЮС / Azio — «Автор», 2026 — (Трёхмерный мир)

Бесцельно бродя по городу, каждый день я замечал хотя бы одного человека, ступившего с краю. Первую неделю было страшно и мерзко. Я отворачивался и убегал прочь, не веря в происходящее. Но прошла вторая, и вот уже я на краю. Кто-то теперь так же увидит меня. Увидел бы... но что-то пошло не по плану. Самозванный Герой увел за собой в "клуб". Собирается тех, кто хочет закончить всё. Но оставшихся. И теперь с ними я. Но кто я?

Содержание

Пролог. Жизнь в Упадке	5
Глава 1. Тень Упадка	8
Глава 2. Клуб	13
Глава 3. Клубная деятельность	19
Глава 4. Счастливые люди	24
Глава 5. Привал	31
Глава 6. Юность	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Azio КЮС

*Посвящается Леке, Диме и Максиму. Долгих лет жизни, без
единого дня существования.*

Пролог. Жизнь в Упадке

Этот день едва чем-то отличался от других. Вечернее небо обыкновенно серо, затянуто ровной пеленой облаков. Да и город с высоты единственного в нем подобия небоскреба казался крайне унылым зрелищем. Серо-бурые улочки, серо-серые домики, невзрачные людишки-муравьишки. Последние – так медленны и скучны. Мелкие точки, что и вблизи не представляли особого интереса. На этих незнакомых лицах, пускай тогда их было не увидеть, уверен, не нашлось бы ничего не знакомого. Одна общая тоска... Одно лишь невыносимое гудение в голове. То, что было и в моей.

– Не зря тебя так величают, Упадок, – прикрыв глаза, я поднял ступню над низким ограждением. Забавно было бы споткнуться, но немного поспешно. – Позволишь сегодня мне тебя обнять?

Одним единственным отличием того «сегодня» от ушедшего «вчера» было то, что в этот день я не заметил ни одного человека, что спрыгнул бы с крыши. И поэтому решил стать им сам. Может прозвучать не слишком-то достойной причиной расстаться с жизнью, однако для меня это имело смысл. Каждый день бродя по улицам, встречая лишь унылые и хмурые лица, не находя иной, хоть сколько-нибудь более яркой эмоции, я не видел ничего странного в том, что люди падают с крыш. Каждый день хотя бы один самоубийца попадался мне на глаза. В этом небольшом городке не так много высоких зданий, они выделяются на фоне других. С них и падали. Поначалу это нагоняло жути — первую неделю было страшно и мерзко. Я невольно содрогался, отворачивался и убегал прочь, не желая верить в реальность увиденного. Но минула вторая, и вот уже я сам пошел по краю. Потому что, видимо, настала моя очередь. Кто-то теперь так же должен увидеть меня...

Слабый ветерок защекотал кончик носа. Сухие губы скривились в ломаной улыбке. Нога, нашедшая себе твердую опору, вжалась в стельку обуви, комкая ту в глубине. Руки распрямились, вытянувшись на уровне плеч. Не верилось, что это оно... Чувство надвигающегося конца. Ощущение было будто бы иное. Что-то не сходилось, но придавать этому какое-либо значение не имело смысла. Скоро всё должно было уйти. Я вдохнул глубже.

– А ведь тут и ветер другой... Может их всех привел сюда именно он? – широко открыв рот, я впустил в себя прохладный поток, чувствуя его морозящее движение. – Будто бы перед встречей со смертью прибавляется жизни, – бормотал я для одного себя, едва слыша своё искаженное звучание.

Уши заполнял ветер. Возможно, именно поэтому я подпустил его, пропустив шаги, оклик. И склонился вперед. Готов был упасть... Тело тянуло к земле, той, что за краем. И руки, разведенные в стороны – готовые к объятьям. Однако спину против воли резко одернуло назад. Точнее, одернул.

– ...нам вещь, тем легче её уберечь! – горячо прозвучал над ухом незнакомый голос, пробиваясь сквозь шум ветра. – Выброшенная жвачка прилипнет к ботинку, а из её обертки получится самый летучий самолетик! Облетит целый мир, но врежется, конечно же, прямоком в твой затылок! – незнакомец сжимал в кулаке мою кофту, с силой таща на себя.

Ноги, не рассчитывавшие когда-либо снова стоять на твердой земле, подкосились, съехав с ограждения. И оказалось, что земное тяготение столь же велико и вне края крыши. Я не упал, – незнакомец держал меня на весу – безвольно свисая над серым, холодным бетоном. Я ничего не мог поделать. Ничего не приходило в голову. Разум был пуст. Я ведь должен был умереть... Но теперь непонятные слова просачивались в мозг, сбивая с толку своей бессмысленностью.

– Что? – непроизвольно спросил я вслух. Спросил тихо, но он услышал.

Подняв на ноги, коренастый парень в красной толстовке развернул меня к себе передом, придерживая за плечи. Его лицо растянулось в недовольстве. Густые темные брови съехались к переносице, широкие ладони крепче сжали мои руки. Черные глаза пристально смотрели на меня, налитые раскаленной злобой. К моим ногам прилила кровь, давая сил стоять самому. Она же застучала в висках. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем выражение лица незнакомца смягчилось – губы изогнулись в ухмылку.

– Парадокс! Я говорю: «Па-ра-докс!» – кричал тот, заглушая всё. И шум ветра, и зарождающиеся в голове мысли. – Чем ненужней нам вещь, тем легче её уберечь. Это я к твоим словам.

Он звучал и выглядел так живо. Красные от холода уши приковали к себе мой взгляд. На фоне серой пелены облаков, вопреки дневной тусклоте, его налившиеся кровью уши выглядели красными. Даже его кофта не казалась мне настолько красной... Из-за этого вида мне самому стало холодно, и я прижал руки к телу. Чужая хватка ослабла, а после правая рука незнакомца вовсе отстранилась от меня, ложась на затылок своего владельца. Ухмылка переросла в улыбку. Но больше слов от него не последовало. Мы стояли на крыше, молча глядя друг на друга, пока я не решился освободиться из его захвата. Всё же, у меня оставалось неоконченное дело. А тот уже почти и не держал меня. Вышагнув из объёма плеча, я без колебаний двинулся обратно к краю. Несмотря на смятение чувств, отголосок разума напомнил обдуманый план.

– Что это ты делаешь? – прозвенел за спиной его голос. Я остановился, так как не мог идти дальше – он схватил меня за запястье, не давая сделать шага.

Вопрос показался мне глупым. Что я мог делать? Разве тут оставалось место двусмысленности? Холодный разум уступил право дать ответ подсознанию. Я невольно недовольно оскалится, прежде чем прийти к словесно выраженному ответу:

– Расстаюсь с жизнью, – бросил я, решительно вырываясь. – Не мешай.

Простой разговор со случайным свидетелем не должен был послужить серьёзным поводом передумать. Уже одно то, как долго и тяжело было туда забираться, достаточно отворачивало от затеи двинуться в обратный путь. Возросшая крепость чужого хвата напомнила о боли в руках, перебравших сотни перекладин пожарной лестницы. Неизменные доводы вели меня на прежнюю позицию. Незнакомец же недоуменно свел брови, смотря на меня как на дурака.

– Как это? – с искренним непониманием спросил тот. Склонив голову набок, парень тупо захихикал. – Поздновато, я её уже забрал, – его слова прозвучали в слегка извиняющемся тоне. Свободная рука легла на макушку, прижав торчавшие волосы.

Настал мой черед недоумевать. Однако если его удивление было легким и даже дураческим, исходя из наивности или глупости, что суть одно и то же, то я ощущал такое давление, будто на мои плечи свалился громадный булыжник. А ведь ещё недавно я имел шанс стать единым с ветром, может даже превзойдя его в скорости на краткий миг. Теперь же меня замедлял поиск логики в его словах. Но не найдя не только подходящих, но вообще никаких слов, что могли бы передать моё нежелание слушать и понимать этого идиота, я вновь попытался вырвать руку из его хвата, шумно выдохнув носом.

– Хочешь ты того или нет сейчас, всё уже решено. Я забрал твою жизнь, – продолжал он, звуча вполне уверенным в своих словах. – Она не была никому нужна, так что я забрал её себе. Ведь ты собирался расстаться с ней, сам так сказал! – отвернувшись, незнакомец в красном

поволок меня вдоль края крыши, не прекращая говорить. – Но вот только я опередил тебя, отняв её раньше. Ты лишился жизни, и теперь не в праве ей распоряжаться. Такие дела!

Подойдя к огороженному вертикальному спуску, парень встал на вторую сверху металлическую перекладину. Не занятая моим удержанием ладонь также включилась в работу, пока другая тянула меня вниз, за спускающимся незнакомцем. С его лица не сходила глупая, самоуверенная ухмылка. Смотря на неё во время этого обреченного на провал действия, я не сумел сдержать смеха.

– Ты понимаешь, что ты так либо руку мне оторвешь, либо я буду на голову тебе наступать? – присев в пределах пожарной лестницы и свесив ноги с края, я действительно ненамеренно пнул его по затылку.

– А я отпущу твою руку, раз ты уже всё равно решил идти за мной, – непринужденно ответил он, вовсе не кривя душой.

Сказано – сделано. Парень продолжил спуск, отпустив меня. Слабый импульс тока в голове не сформировал достаточно ясного словесного отголоска в мыслях. Прежние доводы оказались тише слившихся в единую силу постоянного гула Упадка, эха его непринужденных слов... и скрипа колеблющихся весов моего решения. Но они стихли, когда я, выждав дистанцию в несколько метров, начал спускаться следом. Молча, без спешки. Не столько даже из-за отсутствия желания – иного силы не позволяли. Точнее сказать, бессилие. Но, очевидно, с незнакомцем дело обстояло иначе.

– Не будешь спорить? Ну, насчет жизни, – суетливо добавил тот к вопросу. Мне подумалось, что его так распирала бодрость, что долгое молчание причиняло ему физическую боль. Весомых оснований так думать, естественно, не имелось. – Конечно не будешь, я ведь прав! Такие как я не ошибаются.

Эта ремарка привлекла моё внимание. А новоизбранный путь вниз не являлся быстрым. С тем по прошествии нескольких минут доводы сошлись в пользу уточнения:

– Такие как ты?

– Герои, – мгновенно откликнулся парень. – Они всегда правы!

Глава 1. Тень Упадка

Герой, широко шагая, шёл впереди меня. В приевшейся серости бытия он красным знаменем указывал мне путь. С каждым шагом крепчало ощущение, будто кроме него в поле моего зрения и вовсе ничего нет. А может и за пределами. Да, казалось, отверни бы я тогда взгляд – потерялся. Утонул бы в безграничном сером болоте, носящем прилипшее к нему название Упадок. Всё – будь то люди, проходящие мимо меня, или те, мимо которых проходил я, жилые дома, магазины, бар, стрипклуб – сливалось в однородный фон, в котором невозможно было различить ничего конкретного. И я шёл за Героем, стараясь не моргать. Ведь стоило мне закрыть глаза, потерять его из виду, гудение в голове тут же с новой силой напоминало о себе. Заглушая разумные мысли об абсурдности этих ощущений.

– Знаешь, а ведь не должны ставить такие лестницы на высоты, – вновь подал голос Герой. – Не по нормам!

Его руки, согнутые в локтях, сцеплялись замком ладоней на затылке. Этот «замок» имел десяток дужек – выбивающихся вперёд костяшек пальцев. Разбитых, красных. Да, красных... Не таких красных, как его кофта или уши. По-другому красных. Прежде я не видел столько оттенков красного, не в этом городе. Или же просто не мог различить их. Но ведь тогда...

15. В последнее время я вижу все в более блеклых тонах

o Да

o Скорее да, чем нет

o Скорее нет, чем да

* Нет

(Разные люди видят цвета разными? Невозможно ответить. Человек может видеть один и тот же цвет по-разному? Ответ положительный. Восприятие цвета может зависеть от освещения, погодных условий и специфических явлений окружающей среды, характеристик предшествующих объектов восприятия органами зрения...)

Неверная интерпретация сути вопроса? Требуется корректировка с учетом контекста. Психологическое тестирование... Анализ ситуации. Иррациональность предложения – возможность видеть окружение в цветах, отличных от их фактической характеристики. Исключение внешних факторов. Ответ... отрицательный. Проекция ситуации не поддается осмыслению)

Верно... Ведь невозможно представить, чтобы синий перестал быть синим, а желтый – желтым. Было невозможно. Но вот уже и вечное небо, и негреющее, едва выглядывающее из-за облака солнце одинаково серы для меня. Серо было и облако, что, сливаясь с ними в вязкую серую массу, вяло текло в темно-серую даль. Не с какой-либо целью, а лишь потому, что так сложилось. Привычка не отцепляется. Так это ощущалось мной, вопреки эхом отдающимся в голове объяснениям. Слишком тихим и незначительным в моем положении. К чему мне знать, отчего движутся по небу-

– Эй! Да ты вообще меня слушаешь! – резко оборачиваясь, с недовольством выдал Герой, встав на месте.

Из-за этого я чуть не столкнулся с ним. Красная толстовка заняла большую часть моего обзора, прервав мои внутренние распри – не словить уже ускользнувшей нити. А ведь тянуть

нить мысли, думать – единственное увлечение, доступное независимо от времени, места, рода деятельности, возраста и, кроме того, за приемлемую плату. Без сытости, удовлетворительного сна и тепла – думать не увлекательно. То ещё развлечение с гудящим от недостатка сна сознанием бродить на обессиленных ногах в поисках не слишком гнилой еды, достаточно сухого и в меру прохладного угла, чтобы поутру не обнаружить необходимость ампутации конечности. Вынужденное мышление утруждает и по достижению цели отталкивает человека от себя.

А уж когда тело имеет все для своей сохранности – едва ли отыщется что-то более простое и приятное, чем глубокое погружение в пространные, отвлеченные, занимательные мысли. Однако всему свое время, и даже подумать не в ту минуту – может оказаться большим упущением. Прямо как тогда:

– Да, – честно ответил я, не испытывая вины. Но слабое сожаление в моем голосе, вызванное мыслью о том, что я мог упустить что-то действительно интересное, должно быть, обмануло его. – Я задумался.

– Вот как... – запрокинув голову, я проследил за тем, как его красные губы растянулись в улыбке. Вслед за долгим взглядом на мое лицо упало и дыхание, заставившее зажмуриться. Герой рассмеялся, а я отступил на шаг назад. – Да, никому нет дела до лестниц! Вот и инспекция не следит, тоже, выходит, задумалась над чем-то. А теперь и я думать должен, кого винить? Кого винить? – вытянув руки на всю длину в стороны, расставив пальцы, Герой соорудил будто бы шутливо задумчивое лицо. Но я не почувствовал в его вопросе никакой шутки.

– Кого винить? – спросил и я, мельком оглянувшись через уголки глаз на одну из его вытянутых рук. Сутулый прохожий уперся в неё грудью на краткий миг, беззлобно отмахиваясь от Героя и продолжая идти дальше, вновь сливаясь с серой массой.

– Чтоб я знал! Немедленно бы пошел с ним разбираться. Столько уже жизнью загубили эти неправильные лестницы, – эксцентричный незнакомец резко притянул ладони к груди и сжал их, оскалившись. Кулаки задрожали перед моим лицом, будто грозясь ударить, но тут же пропали из виду. – Хотя, конечно, приставные лестницы выглядят значительнее. Даже самому несерьезному человеку они прибавляют статуса. Человек, поднимающийся по приставной лестнице, явно делает это не просто так! – развернувшись, Герой продолжил идти, впервые свернув куда-то. Не прерывая речи, тот повысил голос, что заставило меня быть внимательнее. Громкость голоса словно делала его ещё больше и краснее. – Ему не стоит в этом мешать. У него есть цель, вернее всего благородная... Да, приставные лестницы – один из атрибутов героизма, это наверняка!

Я бы соврал, если бы сказал, что мне были интересны размышления о лестницах, их видах и о том, что они «прибавляют» людям, использующим их. Однако то, от кого эти размышления шли, как они высказывались и к чему должны были привести – начинало если не интриговать, то приманивать. Как пчелу приманивает полный пыльцы цветок, чей аромат принес ветер, бывший встречным... Став попутным, он не только указал путь, но и помогал достичь цель. Пускай цель в моём случае оставалась сокрытой. Точно так же, как конкретный вид, семейство и состояние цветка, к которому могла бы лететь пчела. Я не знал, зачем и за чем я шел. Но шел. Вопреки доводам разума.

– Я ведь тоже поднимался по ней, чтобы забраться на крышу. Выходит, что и я – герой? – закономерный вопрос, выдернутый из общего потока мысли порывом желания поучаствовать в диалоге.

– Что? Нет! – Герой фыркнул, помотав головой. Красный капюшон замотался передо мной, словно дразнящая быка тряпка. – Ты на ней выглядел невзрачно, я в этом уверен. Блекло. Прямо как сейчас, – его голос звучал просто, но безапелляционно. Искренне, а потому сильно.

– Спасибо? – я не чувствовал себя обиженным, но и не знал, как ответить иначе. Молчать больше не хотелось.

– Пожалуйста, – он махнул рукой за спину, бросая звонкий смешок. – Ты только не расстраивайся. Просто не дорос ты ещё быть героем. Вот сколько тебе? – замедлив шаг, Герой задал первый значимый вопрос. Тот, на который я, по его представлению, вероятно, должен был ответить.

– Не знаю, – немедля произнес я.

– Вот как? – оступаясь, сбивчиво бросил он. – Посмотрим! – неожиданно и глубоко выгнувшись назад, он широко улыбнулся с распахнутыми глазами, склоняясь до жути близко своим перевернутым лицом.

Я отшатнулся, нервно сжав кулаки. Несуразный выпад Героя почти заставил его упасть. Но тот вывернулся, неопишым образом извернувшись на судорожно шлепавших о тротуар ногах. Твердо вставая на месте, становясь ко мне передом, Герой комично высоко бедро. Точно сумоист он обрушил ногу на землю с несоответственно тихим откликом – глухой звук удара стопы потонул в вязком гуле города. Зато на самого Героя удар оказал значительное воздействие – гримаса боли, прорезающаяся через растянутую улыбку, сливалась с ней в безумный оскал. Это выражение отталкивало – я сделал ещё один шаг назад. Но в то же время не мог оторвать взгляда. Герой нечеловечески рассмеялся, гаркая и хрипя, вместе с тем неотрывно смотря на меня в ответ. А затем не только смотря:

– Где-то от шестнадцати до двадцати, – стихающий смех вмиг сменился бодро тараторящим голосом, когда его пальцы жестко вжались в мой подбородок – Борода уже намечается, но пока не растёт! И мимических морщин почти не проглядывается... Хотя лоб хмуришь изрядно, скептик, пооди! А уж эти круги под глазами, умные книжки, кажись, читаешь... – пристально вглядываясь в моё лицо, он силой наклонял его куда вздумается, то выгибая шею назад, то выкручивая до упора влево. Нажал даже пальцами на щеки, открывая мне рот. – Ну, зануда, а зовут как?

– Я... не знаю, – сдержанно ответил я, пытаюсь выпрямиться, расслабляя ладони.

Я не мог отступить даже на шаг, пускай и хотелось, и сознавалась логичность этого действия. Что-то меня удерживало. Не только его рука, внезапно выпускающая на свободу мою челюсть. Обжигающий красный, окружающий его лицо капюшоном, заставил сощуриться, но не отвести взгляда. Он с любопытством наклонился ещё ближе, носом к носу.

– Как так? – Героя абсолютно не стесняло его положение. Темный блеск в глазах точно создавал солнечных зайчиков своим затейливым бегом.

– Не помню ничего, кроме двух последних недель, – ровным тоном пояснил я.

– Угу... – вдумчиво подперев подбородок ладонью, упираясь локтем мне в грудь, Герой шумно вздохнул. – Возраст не знаешь, имя не знаешь. А что тогда знаешь?

Что я знаю? Что я знал... В бесплодной пустыне моего сознания едва ли нашлось бы что-то, чем можно было напоить жаждущего знаний. Ни интересной истории, ни вдохновляющих мыслей. И если бы я был вынужден рассказывать о чем-то более минуты, то связать пару слов я смог бы только о нем.

– Этот город.

– Город, значит? – кивнул он, не задумываясь. – Наш Упадок?

– Да.

– Это интересно! – убрав руку от лица, Герой хлопнул по ней другой, слегка отстраняясь, склонив голову набок. – И что же ты можешь сказать о нем?

– Могу сказать... – этот вопрос стал первым, заставившим меня сознательно задуматься. Составить предложение. Прежде я отвечал так, как чувствовал, не желая тратить сил ни на выдуманную ложь, ни на сложно составленную правду. – Могу сказать, что в нем нет счастливых людей.

Это было очевидно. За две недели я обошел его бессчётное количество раз. Не то, чтобы я собирался их считать. Я побывал в единственном в городе баре. Скучающий бармен наполнял

стаканы скучающим посетителям. И эти скучающие посетители пили скучающие жидкости, будто забывшие, как жечь при вливании и разжижать (тело, сознание и душу) впоследствии. Был я и в стрипклубе. Скучающий охранник, зевая, не заметил, как я прошел в залитый тусклым, скучающим светом зал, полный скучающих, тяжело вздыхающих тел. Как те, что неподвижно наблюдали, смотря, по существу, в пустоту, так и те, что извивались, двигаясь лишь потому, что такова их работа – всей своей сущностью выражали отсутствие как желания, так и нежелания там быть. Что уж говорить об улице, где из точки А в точку Б перемещались скучающие люди, лишь чтобы переместиться, остановиться и продолжить скучать – на учебе, работе или дома. Никто и ничего не выражало того, что ощущалось или осмыслялось бы мной как счастье.

– Ага... Нет счастливых, – вторя моим словам, Герой качал головой, нарочито серьезно сжав губы. – Значится, все несчастны?

– Нет. Здесь нет и несчастных, – рассудил я. – Нет безработных, голодающих, бездомных. Помимо меня. Я не видел никого, кто бы без дела шатался по улицам, просил бы денег или еды. Днем все чем-то заняты, а ночуют преимущественно в квартирах.

– Нет и несчастных... – опять повторил, растягивая слова раза в два. – Ого, как же глубоко ты смотришь на это.

– Глубоко?

– Да. Твое представление об Упадке глубоко... – Герой выпрямился, раскинув руки в сторону и... падая спиной на асфальт. – Как лежащая на поверхности тень, – губы Героя разошлись в дурашливой улыбке, когда тот уже валялся у меня под ногами, извергая тихий насмешливый гогот.

Смотря на него сверху-вниз, наблюдая за его странными реакциями, я не понимал ничего: ни того, о чем он говорит, ни того, почему я не уйду. Его причуды отталкивали – Герой был самым противным и неприятным, что только встретилось мне в Упадке на тот момент. Валяясь на грязной земле, смеясь и неся околесицу, он вызывал больше отторжения, нежели ставший привычным труп на асфальте. Но в то же время... я не мог заставить себя уйти.

– Тени плоские, – проглотив ком, скопившийся в горле, сказал я. – Не глубокие.

– Вот именно! Не то, что не глубокие, они отрицательно глубоки! И притом поверхностны! – звонко тараторил Герой, с большим энтузиазмом забив руками по тротуару. – «Ложащиеся» там, где нет чего-то, указывающие на отсутствие! И ты весь такой. За две недели в Упадке, не зная ничего кроме него, ты стал его «отражением». Но совсем не зеркальным. Повторяющим форму, да не так! Плоское художество на блеклом, бесцветном холсте, как сказал бы Ромео, – сильно оттолкнувшись руками и ногами, Герой взлетел во весь рост, возвышаясь надо мной. – Тень города, над которым не светит солнце. Тень Упадка. Вот, кто ты.

Дыхание сперло. Опущенный взгляд поднялся за чужим лицом, с ужасом прослеживая его перемены. Несерьезная, глупая улыбка обернулась оскалом. Мои плечи задрожали и тут же окаменели – ладонь Героя с хлопком опустилась на правое плечо. Его черные глаза показались красными, точно все остальное в нем. Он весь представал красным, не пятном, но пламенем, горящим передо мной и на мне. Мое плечо жгло до боли, и я стиснул зубы, не способный ответить.

– Скажи мне, кто ты. – неоспоримым, *красным*, приказом сошло с его уст.

Меня парализовало. Все живое во мне точно сжалось в одну точку, многотонным шаром падая от сердца к ногам. Жизнь трепетала, панически пульсируя взамен вставшего сердца. Краснота заполнила горизонт чувств. Раскаляющееся тело застыло, покуда остатки разума сопротивлялись чудовищному давлению. Но тщетно. Бой проигран заранее. И принимая чужую волю, поддавшись ведущему потоку силы, жизнь воспрянула, гейзером возвращаясь в конечности, голову. И из головы, с губ слетает её ведомая частичка, отвечающая зову:

– Тень.

Глава 2. Клуб

Герой пропал из виду в конце темного узкого закутка между жилыми домами. Густая тьма поглотила его, заставив меня вздрогнуть. После всего того пути, что мы проделали, он оставил меня! Растворился в черноте, какой я ещё никогда не видел в Упадке. Этот вечер был темнее любого другого. Темнее всякой ночи. А ведь обычно в этом городке с трудом отличишь день от ночи – оттенки серого со временем приедаются глазам. Но теперь, когда единственный яркий цвет исчез, многократно углубились тени. В ушах застучала кровь. Тишина сдавила виски.

– Чего ты застыл? – взрывом раздался недовольный голос, разнося в дребезги нарощее напряжение. – Убежать надумал? Так тени думать ни к чему. Просто следуй за мной, как это вам полагается, – поток слов, что фейерверк, взлетал с незримого низа ко мне, едва ли донося своим ярким взрывом смысл. – Конкретно сейчас ничего сверхъестественного я от тебя не требую. Это ты умеешь. Не приставная, конечно, да и не подниматься, а спускаться надо, но разницы никакой, ведь задача одна и та же.

Я вглядывался в темноту, ничего в ней не находя. Но голос и слова Героя доходили до меня, а значит, по законам логики, терять его было рано. Сделав шаг, за тем – другой, разок повторив, я добрался до спуска, о котором тот говорил. Конечно же, лестница! Сырые бетонные ступени, уводящие в подвальное помещение. Дверь в него приоткрылась рукой Героя, пронзая тьму рассеянным светом. И как бы слаб тот ни был, он был способен обратить крошечную тьму в нечто иное. При этом «ином» я снова различал красноту Героя, проходящего внутрь. Чтобы не повторять ошибки, не упускать его взглядом, я немедленно вошел следом. И в тот момент в голове промелькнула искра.

– Задача? – недоуменно спросил я скорее самого себя. Моя задача...

– Задача? – ещё более недоуменно переспросил Герой. – Ах, да! Задача, или скорее цель. Сможешь отгадать? Подсказка: она одна, что у тебя, что у меня. Что тогда, что сейчас. А примечательно то, что ей уже дважды служат лестницы, – с бодростью в голосе расплылся словами тот.

– Дважды... Примечательно, – всё ещё не понимая, протянул я, стараясь уловить крупицу смысла, возможно заложенную в его речь.

То, что показалось примечательным мне, так это свет, таившийся за дверью. Если снаружи он казался ничтожно слабым, едва дававшим разглядеть Героя, то внутри глаза выжгло. Но даже ослепленный болью, я продолжал слушать. Разум произвольно передал инициативу органам слуха, которым предстояло воспринять немало. Из глубины помещения доносилось журчание воды, тихие скрипы, неравномерный стук чего-то более твердого о дерево. Ближе и громче раздавался ритмичный металлический скрежет. А совсем рядом, где-то слева, разлился мелодичный свист, прерванный песней:

Я путь проделал славный, могучий наш герой,

Приветствуем тебя мы всей своей душой!

Видно нам похода успехи и плоды.

Пятый готовит ужин, будь на нем и ты!

Её тянул незнакомый голос, не мягкий, но и не грубый. Скорее твердый. В аккомпанемент после первой строки зазвучало что-то струнное, медленное и весьма беспорядочное.

– Недурно! Делаешь успехи, Ромео, – одобрительно похлопав, Герой слышно зашагал дальше. – Но в другой раз такая концовка не пройдет.

– Новые члены, новые рифмы? Вот уж я удумал! Загубишь же поэта, и даже не... – продолжая в прежней манере, самопровозглашенный поэт усердно нес околесицу. Но струнная мелодия споткнулась, когда не прозвучало финального слова. Повисла не песенная пауза. – А

черт бы с тобой, настрой уже сбил! Давай, проходи, перед глазами не стынь! – резко, полусердито, полусмешливо разразился незнакомец.

Глаза, наконец, попривыкли, и я смог разглядеть грязно-синий диван, на котором расположилась необычно тонкая для парня фигура с маленьким подобием гитары. У неё отсутствовала одна из четырех предусмотренных конструкцией струн. А те, что имелись, были привязаны очень небрежно – из настроечных кольшков торчали концы под пятнадцать сантиметров. Около шести дюймов, в местной системе измерения. И сам парень, показавшийся мне моложе Героя, выглядел в целом так же небрежно: длинная мятая рубашка с узором из маленьких розовых сердечек выглядела неуместно мешковато на худом, бледном теле поэта, а оттопыренный воротник перекошило в правый бок. В то же время, добавляя асимметричности, левая половина рубашки снизу была заправлена в брюки, подпоясанные длинной зеленой тряпкой, иначе было не сказать. И правая часть этой несуразной рубашки комкалась поверх импровизированного «ремня». Карие глаза ответно впились в меня, так беззастенчиво изучающего незнакомца взглядом. Отложив инструмент, парень «поправил» каштановые локоны, расставленными пальцами сдвинув их со лба. Но они тут же скатились в прежнее положение. Настойчивый взгляд с ожиданием удерживался на мне. Но чего тот ждал?

– Ну же, ты, представься! – громко, но без грубости выкрикнул уже у дальней стены Герой.

Вот, что это было. Конечно, ведь у меня появилось имя. И именно его от меня все ждали. И этот поэт активнее других. А что другие? Краем глаз я мог разглядеть не одну фигуру. Но сходу их пересчитать бы не вышло. Кто-то в углу, кто-то совсем на виду, в центре зала, а кто-то в соседней комнате, так что и видно одно только плечо. В этом относительно небольшом помещении было довольно тесно – помимо дивана, на котором сидел поэт, был также и большой металлический шкаф, усеянный сверху вентиляционными отверстиями, отбрасывающий широкую тень на стену; скромный круглый деревянный стол с тремя стульями; кресло-качалка, тихонько качающаяся в самом центре, казавшаяся пустующей; двухъярусная кровать, у которой, однако, отсутствовал нижний ярус... И это лишь то, что я успел опознать, покуда решался что-то сказать. А сказать надо было.

– Я – Тень, – проглотив скопившуюся слюну, я назвался данным мне именем.

– Нет-нет, я – Герой! – вдруг запротестовал тот самый, кто дал мне его.

– А я – Тень... – повторил я, не успев толком обдумать странность выкрика Героя.

– Нет! Ты – Тень. Я – Герой. Про последнее тут все знают, а с первым не путай и не путайся, – затараторил он, взяв с круглого столика колоду карт. Не оглядываясь на меня, Герой двинулся к пустому проходу в другую комнату.

– Я... не понимаю, – признался я, следуя взглядом за его красным капюшоном, будто надеясь этим остановить.

– Поймешь. Обращайся и впредь, – кратко обернувшись в мою сторону, тот показал большой палец, глупо улыбнувшись с закрытыми глазами.

Продолжая стоять у самого входа в замешательстве, я молчалием отпустил Героя по его делам. Оставшись в обществе больших незнакомцев, чем он, я чувствовал, как ко мне со всех сторон прибывались волны внимания. Они были разными, ведь каждый посылал что-то своё. Но в совокупности это ощущалось, точно я погружался в темно-серую лужу – в ней растворено всё: бумага, грязь, стиральный порошок, а может и пот, кровь, слезы... Да только уже не понять – серый вобрал в себя всё, оставив лишь тревогу от самого процесса. Погружения. А во что – уже не так важно. Ни лучше, ни хуже не будет. Я просто молча потонул бы в серости... Если бы не смех. Поэта, тихий и снисходительный, и ещё одного, парня, сидящего на тумбочке (ранее незамеченной) в тени шкафа, – громкий, несдержанный. Или, скорее, несдерживаемый. Этот веснушчатый парень с короткими рыжеватыми кудрями хохотал до слез, залиvisto, хло-

пая себя по животу. Меня удивило, какое невероятное количество шума он производил для человека своих габаритов.

– Каждый раз смешно! – разразился смешливый парень, взяв короткую передышку от хохота.

– А меня уже достало, – отвлекшись от лязганья ножами, процедила сквозь зубы девушка, полулежа сидящая под неполноценной двухъярусной кроватью. Её лицо было скрыто за длинными, неухоженными черными волосами. – Я не умеет в юмор.

– Мне не кажется, что он пытается шутить, – раздался в ответ с другого конца приглушенный голос из шкафа. – Он просто привык.

– Так ещё забавней! – взрываясь новым приступом смеха, энергичный паренек спрыгнул с тумбочки, пружинящим шагом направившись в мою сторону. – Эй, ты, поди-ка сюда, мне тебя не разглядеть как следует.

Думая исполнить его просьбу, я не успел ничего предпринять – тот уже стоял ко мне вплотную. Вытянувшись на носочках, он уткнулся носом в мой подбородок. В замешательстве я отступил на шаг назад, всматриваясь в его улыбчивое лицо. Широкий, вытянутый изгиб бледных губ вблизи ощущался холодным и неестественным.

– Я – Тень, – ещё раз представился я, понадеясь услышать в ответ имя этого хохотуна.

И так, возможно, оно бы и было. Он уже успел раскрыть рот, смотря мне в глаза, когда вновь заиграла «музыка» трехструнки. Конечно, была вероятность, что веснушчатый паренек без чувства такта просто собирался рассмеяться. Но этого уже никак не узнать – прикусив губу, тот замер, переводя всё своё внимание на уверенно льющуюся импровизированную балладу:

Нелегкую дорогу сулит судьба с тобой...

Понять тебе не просто! Ну что ты, слушай же,

Раскачиваясь, если не сказать пританцовывая, поэт закружил по комнате, во весь голос растягивая слова. Проскользнув между мной и хохотуном, он с усмешкой трижды ударил по струнам, смотря прямо на меня.

Ты – Тень и ты – Ты.

Мне это понятно, как ни крути.

Другим это вышло понять без труда...

А Ты сам не может? Ну что, не беда!

Оставив нас позади, поэт двинулся вглубь комнаты, упиваясь моментом славы. Вместе с тем, мне показалось, что я начал понимать его.

Спою об этом и раз, и второй!

О том, что Ты – Тень, а Я – Герой!

Ещё один тройной перебор и пауза. Переводя дыхание, парень склонился, протянув инструмент почти к самому полу на вытянутых руках. Кивком стряхнув волосы с глаз, он снова ожидающе, но уже не так напряженно, глядел на меня. Имея некоторые подозрения, я всё же не оказался достаточно самоуверенным, чтобы не уточнить, отсеивая двойственность:

– Ты – Герой? Но я думал... – мою речь прервало разочарование, волной разошедшееся от него после первых слов.

Ожидаемое развитие. Метод исключения оставил один вариант. Но вместе с менее вероятной версией отсеялся и разговор. Повисло молчание. Но не более чем на миг. Из соседней комнаты донесся ещё один, новый голос. Тихий и мягкий. Не слишком-то выразительный. Но он вызвал даже большее бурление чувств, нежели выходка Героя и моё появление.

– Простите, что прерываю, – в бездверном дверном проходе нарисовалась высокая (даже выше Героя) и величественная мужская фигура в сером балахоне. – Ужин готов.

Смешливый парень первым сорвался с места, с радостным криком и кувырком через голову несясь к проходу. Поэт и девушка из-под кровати тоже не заставили себя ждать, пускай двигались куда сдержаннее в сравнении с хохотуном. Лишь наблюдая, я оставался стоять,

где стоял. Отрешенно, точно будучи пустым местом. Совершенно лишняя деталь, неуместный предмет интерьера. Как кресло-качалка, остановившаяся и потому исчезнувшая из внимания.

– Пойдите, – спокойным тоном произнес парень в балахоне. Перекрыв проход своим широким, крепким телом, он остановил всех (и прежде всего хохотуна, влетевшего в его ноги). – Я разрешил мне не пускать вас.

– Что? Ушам своим не верю! Нет, не может быть! – возопил поэт, драматично взмахивая руками. – Уж не решил ли Иннокентий нас голодом морить?! – на стихотворный манер растянул он, сердито скосив брови.

– Чего удумали, черти?! – девушка швырнула нож (очень напоминавший кухонный) в сторону прохода, но тот попал ручкой в стену и отскочил ею же в бедро поэта. – Жрать хочу!

– Согласен с предыдущим оратором! – видимо, не обратив никакого внимания на то, что ударило об его ногу, заявил поэт, всплеснув руками.

– Отставить жалобы! – голос Героя, звучащий словно совсем рядом, а не из другой комнаты, остановил поток недовольства. – Иннокентий предложил отличную идею, а Я – дал согласие на её осуществление. Так что послушайте его.

Воцарилась тишина. Несмотря на возможность, никто ничего не возразил. Показалось, будто прошла вечность, перед тем как парень в балахоне улыбнулся, сложив ладони перед собой. Его уставшие глаза имели невыразительный серый цвет, напомнивший мне о небе, виденном мной с крыши. Ещё более невзрачном, чем с привычной, земной высоты. А вот глубокие морщины, опоясывающие эти глаза, притягивали к себе взгляд. Точно две нарисованные улыбки. Искусственные, но сильные. Темные складки на бледно-сером лице казались нарисованными штрихами на пыльном листе бумаги. Пыльный... да, так можно было сказать обо всём в нём. Особенно о коротких пепельных волосах, от которых веяло сном и спокойствием. Разумом же я сознавал, что его бледнота была не то, что не здорова – естественно невозможна живому телу.

– Спасибо, Я, – склонившись на одно колено, пыльный парень легонько потрепал по голове распластавшегося перед ним хохотуна. – Прошу, отойдите. Буду звать вас по одному.

Все послушались, встав от него даже дальше, чем я. Благодарно поклонившись, тот обратил свой взгляд ко мне. Слабая улыбка тронула его сухие пыльные губы. Отойдя от прохода, он выпустил из комнаты Героя и ещё одного парня – недоверчиво оглядываясь по сторонам, тот шагал медленно и неуверенно, будто вот-вот споткнется. Заметив меня, он скорчил гримасу не то ужаса, не то презрения, стиснув кулачки. Но я едва ли озабочился этим, беззвучно пересчитывая лица. Шесть, не считая моего. Выходит, семь? Нет, ведь был ещё голос из шкафа – итого восемь.

– Я, – позвал пыльный... нет, Иннокентий. И Герой прошел мимо него первым. – Шекспир, – поэт, ранее названный Я Ромео, зашел вторым.

– Пир, грядет славный пир! Такой, какого бы и видать не помыслил Шекспир! – очевидно довольный своим местом в очереди распевал он. – Ну, тот, который был! Или не был...

– Если будет так уж «славно», не соблаговолишь заняться посудой после? – кратко спросил Иннокентий, обрубая Шекспиру голосок. Ответа не последовало. – Что же, следующий – Песик.

Кудрявый паренек колесом пронесся мимо меня, едва устояв в проходе на ногах. Но возможная участь падения, казалось, вовсе не напугала его, ведь тот снова залился громким хохотом. Иннокентий протяжно вздохнул, словно говоря «как всегда». Без всякого недовольства, с исключительным добродушием.

– Беся.

– Кто тут Беся, а?! – прорычала девушка, громко затопав тяжелыми сапогами. – На себя бы посмотрел, Пятый! Сам же и бесишь! Тем, что не бесишься! – подобрав выкинутый ею же

нож, Беся, оскалившись, нырнула в ту комнату, до последнего не отрывая яростного взгляда от Иннокентия. – Черт тебя дерит!

– С заточкой закончено? Вернешь, пожалуйста, ножи на место? – смиренно спросил тот. Но ответом стало лишь сердитое фырканье. – Хорошо, Феня.

– И для чего меня было дергать? Сидел себе на кухне... – хромая следом за другими, жалобно бормотал неравномерно стриженный парень. Где-то у него свисали длинные русые пряди, а где-то просматривалась гладкая головушка, но основу составляло поле коротких жестких волосков. – Ведь помогал же с готовкой, ну зачем выгонять? А если подверну лодыжку, туда-сюда ходя? Нет, когда вывихну, не смогу ходить со всеми и буду сидеть всё время и никогда, никогда не покончу с этим кошмаром! – схватившись за голову, Феня прибавил шагу, скрываясь из виду. – Кошмар, кошмар, кошмар!

– Момент, – продолжил Иннокентий без лишних промедлений. Но я заметил, как изгиб его губ переломился, образуя плохо считываемое выражение лица.

– Один момент! – слышалось в ответ из шкафа. – Нет, мне не кажется, что пора. Присоединюсь позже. Пока что мне должно быть здесь, – рассудительным тоном сказал Момент. Возможно, дело было в особой акустике металлического шкафа, но голос звучал мужественно и горделиво. – Чувствую, что так будет правильно.

Вот как... Семь чудаков, имеющих подходящие чудаческие имена. Или скорее клички. И я среди них не слишком-то выделяюсь. Иннокентию оставалось назвать лишь моё «имя», и, чтобы не затягивать, я сделал шаг вперёд.

– Хорошо, – Иннокентий принял прежний, спокойный вид, протягивая тонкую бледную ладонь в мою сторону. – Ты, стой.

– Что? – невольно удивился я, останавливаясь перед пепельной ладонью.

– Хотелось бы сперва собрать всех, кого выйдет, – плавно опустив руку, Иннокентий развернулся к центру комнаты. – Соня, иди ко всем! Я говорит, что скоро вылазка, а умирать лучше на сытый желудок! – внезапно поднял он голос, почти крича.

Это ощущалось так противоестественно – крик, заволоченного пылью горла. Но так оно и было. Иннокентий громко воззвал к кому-то, извергнув не только и не столько слова, сколько облако пыли, рассыпающейся в воздухе спокойствием. Да и само слово – первое, единственное дошедшее до меня:

– Соня? – я обернулся, зная, что там никого нет. Не было.

– Надо? – спросило пустое место.

– Надо, – с неглубоким, но долгим кивком ответил Иннокентий.

– Ну ладно.

Кресло-качалка со скрипом качнулась. С глухим стуком пола коснулась пара ног. И только заметив эту пару ног, я смог разглядеть человека, принадлежавшего ей. Сутулый парень среднего роста. С недлинными светлыми волосами и серо-голубыми глазами. Его вытянутое, но не острое лицо склонилось к ногам. Те же нехотя оторвались от пола, мелкими шажками подводя к нам. А когда я, вернее мои ноги, оказались в пределах его поля зрения, тот остановился, приподнимая голову. Руки, до того покоящиеся в карманах, оказались протянуты к глазам. Безмолвно шевеля губами, Соня загибал пальцы. Один, два, три... все.

– В клубе теперь десять членов, – безэмоционально констатировал он, показывая сперва мне, а затем и Иннокентию все подогнутые пальцы. – Столько ведь ещё не было. Двухзначное число. Десять. Юбилей.

– Нет, Соня, прости, – Иннокентий чуть смущенно покачал головой. – Кошки не стало в позапрошлую вылазку. А это – Тень, – указал он на меня плавным взмахом кисти. – Кратко – Ты.

– М-м... Понятно, – промычал Соня, опуская руки вдоль тела. – Точно, вышли её девять жизней. Виноват.

– Но в этом нет ничего плохого. Мы все к тому идём, – оглянувшись на меня, Иннокентий тяжело вздохнул. – Благослови Всевышний твою душу, Тень. И проходи за стол.

Более он ничего не сказал, пройдя внутрь за Соней. И я, не найдя слов и не чувствуя в том нужды, шагнул через порог. Шагнул в полумрак полный причудливых незнакомцев. Незнакомцев, рассеявшихся за длинным столом, освещаемым одной, очевидно доживающей свой век лампочкой. При таком тусклом свете нельзя было разглядеть стен, а значит, и оценить размер этой «кухни». Но что было видно хорошо, так это кружащие в воздухе пылинки, образующие завораживающие потоки. А вот людей... Людей-то было и не разглядеть. Три с правой стороны, три с левой. Один на дальнем от меня конце. Пустой стул у ближнего. По нему на стол взобралась крыса, убегая к одной из фигур слева, активно стучащую ложкой о миску. И, несмотря на все отмеченные ранее странности, все силуэты вмиг слились друг с другом и серой мглой, вызывая отторжение. Желание бежать вдруг снова напомнило о себе, стиснув жизнь в груди болезненным ударом сердца. Я был готов уйти, но человек на противоположной стороне стола поднялся, приковывая к себе взгляд.

– Присаживайся, Тень! – просьба по тону... заставляла подчиниться. Несмотря на полумрак, красная кофта увиделась что ни на есть красной. – Нужно ведь отметить твоё членство в клубе.

– Клубе?

– Да, – с довольной усмешкой цыкнул Герой, – Я ведь уже говорил! Или... Ох, дырявая моя голова, это же не с тобой было, – рассеянно покачав головой, он торжественно поднял полный кубок, пролившийся багровой жидкостью на стол. – Нельзя так путаться. Прости мою грубость! Прости, и добро пожаловать в-

К несчастью, этот миг показался Моменту тем самым, в который он должен был явиться к ужину. И, непременно, с гордым, уверенным возгласом:

– Клуб юных самоубийц!

Глава 3. Клубная деятельность

Постепенно вступала в свои права ночь. Но едва ли становилось темнее. По пустому тротуару вразнобой топало восемь пар ног, следуя за Героем на скейтборде. Мне не удавалось найти места среди этой нестройной толпы – думая сперва идти рядом с Героем, я не успел опомниться, как отстал. Догнав же, я не мог взять нужного темпа, чтобы не перегонять его спотыкающуюся ездю. Доска то и дело брыкалась, запинаясь о неровности дороги и плюясь грязью, налипшей на колеса. Это навело на мысль идти последним, и по пути к концу беспорядочного строя я был встречен выскочившей передо мной «мордой» Песика, стукнувшегося со мной лбом в прыжке.

– Приветки! – прозвенело в сопровождение пульсации ушибленного лба.

Запятнанный цветными разводами взгляд вскоре застелило лучащейся желтизной. Улыбка веснушчатого паренька, с каким-то неясным озорством таращащегося на меня, излучала этот цвет. Схватив ладонью мою футболку в районе груди, Песик склонил меня вниз, лицом ближе к своему, смотрящему вверх.

– Чего такой хмурый, Ты? – спросил Песик, высунув язык. – Живот болит? Съел чего не то?

– Ел только... – избегание местоимения «Я», признанное мной одним из правил, головокружение и мутность в глазах затруднили процесс мысли. Однако дача ответа казалась необходимой, сознание стремилось к его формированию. – У вас, в клубе. Было неплохо, наверно, – Шекспир, Феня и Момент обогнали нас, негромко обсуждая что-то свое.

Перед выходом меня покормили постной овсянкой с чаем. Сытнее, чем ничего. А именно им я питался всё то время, что помнил. Поэтому и жаловаться причин не было.

– Тогда... мало? – задав вопрос, Песик закивал самому себе, не дав вставить и слова. – Да, конечно, Пятый страшно жадничает!

Мой взгляд отвлекся от его круглого личика, следуя за указывающим в конец строя взмахом руки. «Пятый», то есть Иннокентий, шел позади всех, на отдалении в несколько метров. Тот, как мне показалось, услышал несдерживаемый голос Песика, сдержанно улыбнувшись. Сухие губы приоткрылись, но речь донеслась до разума не сразу. А может, мне удалось прочесть это по губам?

– Чревоугодие – грех, – будто просто тяжело дыша, а вовсе не разговаривая, произнес Иннокентий, поднимая голову к небу.

В тусклых, усталых глазах клубились пылевые облака, показывая настоящим, как надо. Но те были слепы к его демонстрации. А я, напротив, засмотрелся на него, не заметив приближения более низкого ростом человечка. И, наверно, зря, ведь расплатой за недосмотр стал сильный толчок в плечо, а также молниеносный, но почти невесомый тычок локтем в спину.

– Двигайся, тормоз бесявый! – гаркнула Беся, следом режа слух скрежетанием кромки одного ножа о другой. Достаточно тупых, на что указывало звучание.

Прикусив щеку из-за этого хаотичного потока атак, я зажмурил глаза – от боли, смятения и непонимания. Тело, дух и разум раздражались в равной степени, не давая передышки. И вот уже зазвучал прерывисто звонкий смех Песика, сопровождаемый хлопками о самого себя, для чего тот отпустил мою футболку, а из уст Шекспира полилась новая баллада:

Так тебе и надо... Так тебе и надо!

Нечего пред демоном стоять.

Рано Ты отвлекся, ой уж, как Ты рано!

Лучше б тебе клювом не зевать!

Не замедляя шаг, тот пошел спиной вперёд, запечатлевая в голове картину моей «агонии». Присвистнув, Шекспир достал из-под рубашки какие-то крохотные тарелочки, сложен-

ные друг с другом и связанные с одного края. Взяв по связке в ладонь, поэт принялся шелкать ими, настукивая ритм.

Тут тебе не стадо... Тут тебе не стадо!
В клубе тормозить не привыкай.
Хоть Ты был с собакой, хоть Ты был с собакой!
Но у нас смотри да не моргай!
Будь Ты хоть увечен, дважды покалечен –
Это ведь проблема лишь твоя!
Да и вот, «проблема»? То же мне...

– Да нет же! – ритм заглох. За короткой паузой последовало раздраженное ворчание. Редкие шелчки точно каплями падали на лоб Шекспира, надеющегося словить вдохновение на продолжение, лишь остужая и гася огонь воображения. – Черт возьми!

Отмахнувшись от намерения продолжить, поэт сунул руки обратно под рубашку, пряча шелкающие тарелочки с напряженным видом. Вытаскивая ладони из-под одежды, парень развернулся в прежнее направление, отыскивая взглядом своих собеседников. Феня подозрительно осматривался, никак не реагируя на Шекспира. Момент же одобрительно закивал, сложив руки перед грудью. Но поэту этого показалось мало:

– Ну и где аплодисменты? Овации, «бис»?! – серчал тот.

– Пока не чувствую необходимости в этом, – вдумчиво ответил Момент, театрально разведя руками. – Не тот момент...

– Да иди ты, – скрестив руки на груди, Шекспир обидчиво отвернулся от него.

И тогда одна связка тарелочек вывалилась и, отскочив от колена идущего поэта, залетела напрямик под колеса скейта Героя, заставляя тот, наконец, перевернуться. С возгласом «И пал Герой!» Я рухнул на асфальт, точно нарочно принимая нелепую позу.

– Судьба его не пощадила... – с выпяченным кверху задом, растянутыми по земле руками трагически объявлял он. – Падение пережить позволила.

– Bravo! – элегантно захлопал в ладоши Момент. – Моё почтение! На бис!

Песик захохотал. Герой следом, хотя и куда менее истерично. Присоединился Момент – до странного наигранно. И даже Феня, присмотревшись и поколебавшись, хрипло захихикал. Один лишь Шекспир (из тех, что шли в авангарде) нахмурился, не найдя ничего смешного.

– Идиоты, – пробормотал он. – Тупоголовые придурки...

Шекспир зашагал быстрее, обидевшись. Так мне показалось. Однако в самом же деле он зашагал быстрее, чтобы пинком поставить скейтборд обратно на колеса и запрыгнуть на него самому, укатываясь вперёд. Вперёд – с хохотом даже громче и естественней Песика.

– Долгих лет жизни! – пожелал тот от всего сердца... вызвав тем всплеск недовольства, грозящий настичь его погоней «проклятых» им парней.

Наблюдая за этим представлением, я оказался на шаг позади Иннокентия. Возобновив ход, нагнал его. Лишь он, Беся и я сам не участвовали в начавшейся чехарде со скейтом. Беся смотрела за ней, скрипя зубами и стуча ножами, что-то злобно рывкая себе под нос. Из копны волос, свисающих вдоль спины, показался розовый отросток, став извиваться из стороны в сторону. Это лишь усилило моё нежелание снова оказаться «у неё на пути», а потому я предпочел остаться в «хвосте». Ведь, как я успел установить, среди них не было кого-то более спокойного, чем «Пятый». Кроме того, он мог быть полезен в том, чтобы установить другие вещи.

– Иннокентий, – подал я голос, осознав необходимость задать несколько вопросов.

– Тень? – с легким свистом вдохнул тот носом.

Да, это был я. Тень... Однако что-то в этом было не так. К вопросам, что я собирался задать, добавился новый. И он тут же встал на передний план, застилая все прочие. Становясь всё больше, он вышел за границы сознания, не давая себя познать. Как? Что? Кто?

– Могу спросить вас... – произнес я, чувствуя в том потребность. Но слова, что её бы удовлетворили, не отыскивались.

– Конечно, Ты. Можешь спрашивать обо всём, – не оглядываясь на меня, Иннокентий продолжал идти в своём, достаточно неспешном темпе. – Просящему подай.

– Просящему? – спросил то, что вышло выхватить в потоке восприятия.

– Заповедь.

– Вы веруете? – простой вопрос, уводящий мысль от чрезмерного, необъятного внутри меня к наблюдаемому в полной мере снаружи.

– Истинно так.

На его шее проглядывалась серая цепь, почти сливавшаяся с кожей. Но что к ней крепилось – оставалось скрыто от глаз его робой.

– Но почему вы тогда... – я почти задал этот вопрос напрямую, но в горле образовался ком. Заволакивающий ротовую полость сухостью и горечью. – Простите, но ведь это клуб... самоубийц. Так сказал Момент.

– Так хотел сказать Герой. Потому что так он его назвал, – прикрыв глаза, спокойно пояснял Иннокентий. – Клуб юных самоубийц. Общество молодых людей, объединенных одним интересом.

– Интересом?

– Окончить свою жизнь.

– Это... понятно, – с трудом сглотив пыль, налипшую на стенки горла, я выкашлял из себя более развернутый вопрос. – Выходит, что и вы хотите умереть? Несмотря на свою веру? Разве это... не грех – желать расстаться с божьим даром?

– Да, – открыв глаза, Иннокентий медленно повернул голову, обратив на меня неожиданно тяжелый взгляд. – Истинно так. Моя религия провозглашает Жизнь самым ценным, что доверено человеку в обращение. И самоубийство – отказ от принятия божьей воли – страшнейший, наиболее тяжкий из всех возможных грехов.

– И вы...

– Именно потому, – я не смог выдать из себя ни звука, покуда раздавался его голос, – этот клуб. Как его участник, я преследую цель расстаться с жизнью, не нарушая своей причины.

Иннокентий остановился. В его глазах я не видел своего отражения. Одну только пыль. Та заполняла бездонную пропасть, высыпаясь излишками во внешний мир, наполняя воздух между нами серыми песчинками. Мои глаза будто закрывались, оставаясь открытыми.

– Причины, – сонно повторил за ним я.

– У каждого члена клуба есть причина. То, что мешает ему просто покончить со всем. Но деятельность клуба должна помочь преодолеть её.

– Преодолеть её...

– Преодолеть или забыть. К сожалению или к счастью, случается и так, что жизнь обрывается вопреки наличию причины, – Иннокентий опустил веки. Усталость слегка отступила, и я смог оглянуться вокруг. – Плохо ли это – не могу судить. Судить – против веры.

Мы сильно отстали. Активная шестерка ушла далеко вперёд. А мы с «Пятым»... Двое позади? Шесть и два – восемь.

– Нас девять, – напомнил я себе, поднимая взгляд на Иннокентия. – Где...

Наткнувшись взглядом на чужое плечо, не облаченное в серый балахон, я прикусил язык, силясь одновременно сказать «Соня» и воскликнуть «черт». Невзрачный парень застыл передо мной, перекрывая собой Иннокентия. Он безмолвно стоял, никак не реагируя на ту напряженность, с которой я осматривал его. Это безразличие вскоре отразилось и на мне, давая понять, что без действий с моей стороны ничего не изменится.

– Привет, Соня, – отступив на шаг в сторону, поздоровался я.

Но ответа не последовало. Спустя несколько долгих секунд после того, как путь перед ним стал открыт, он всё же сделал грузный шаг вперёд. А за ним следующий, и так далее. Свободно свисающая рука тихонько болталась из стороны в сторону в такт неспешным шагам. Другая же держала за узел мешок, перекинутый за спину.

– Соня, – позвал его Иннокентий, слегка повышая голос. Возобновив свой ход, он вскоре нагнал проигнорировавшего оклик парня, кладя руку на его плечо. – Маря, Тень поприветствовал тебя.

Соня остановился и, словно нехотя, поднял взгляд на него и на меня. Его раздумья добавили ещё несколько метров к нашему разрыву с остальной группой.

– Простите, – легонько пожав плечами, парень простенько махнул рукой. – Привет, Тень.

Ограничившись этим, Соня двинулся дальше. Но шагая даже медленнее Иннокентия, оказался позади меня, решившего так сильно не отставать. Теперь я знал, что не иду в конце. И с этим всё меньше понимал происходящее.

– Иннокентий, – не оставшись без вопросов, я снова обратился к нему, как к самому открытому из них: – Почему назвал его по-другому во второй раз?

– Маря?

– Да.

– Это одно из его имен. Как Ты – второе твоё, а Я – второе Героя.

– У всех в клубе по два имени?

– Обычно... – протянул Иннокентий с неясной ноткой неуверенности.

– И «Пятый» – второе твоё? – решился я уточнить.

– В каком-то роде, – сомнение в голосе не отступило, наоборот, стало отчетливее.

– А «Ромео» – второе имя Шекспира? – подтверждая накопившиеся догадки, расспрашивал я.

– Да, – облегченно выдохнул облачко пыли Пятый. – Истинно так.

Мне бы хотелось ещё о многом его спросить. За всё время, что я себя помнил, мне не приходилось чувствовать себя легче. В этот короткий момент нашей беседы я чувствовал, будто вязкость атмосферы сходит на нет. Для меня что-то прояснялось. За последние две недели никто и не думал отвечать на мои вопросы. Да их и не появлялось толком. Зачем что-то спрашивать, если не чувствуешь, что это что-то изменит? Оставалось лишь терпеть это густеющее в глубине напряжение противоречий. Но прежде, чем оно вновь дало о себе знать, впереди раздался крик Героя:

– Ну-ка, все сюда! – сложив руки у рта мегафоном, Я с предвкушающей ухмылкой созывал всех к углу ветхого зданья. Совсем непохожего на закрывающие горизонт незыблемые пятиэтажки центра города. – Всем зайти внутрь, Тени – обождать!

Иннокентий пошел дальше. Я остался на месте. И я тоже. Толкаясь в проходе выглядящего нежилым двухэтажного домика из серо-рыжего кирпича, Песик, Ромео и Беся чуть ли не подрались за то, кто первым войдет. Но стоило девушке замахнуться ножом на поэта, невысокий кудряш нырнул внутрь, пользуясь образовавшейся брешью. А за право быть вторым, видимо, Шекспир биться не собирался, размашистым жестом позволяя Бесе пройти.

– Дамы вперёд, – внезапно вспомнил он, с неловкой улыбкой почесывая затылок.

– Заткнись, утырок! – девушка не глядя просунула ручку ножа в шлевку джинс возле кармана, тут же доставая из него что-то... и швыряя это в Ромео. – И смотри не заплачь, мадама. Кого тут ещё пропускать надо!

«Чем-то» оказалась та самая пара тарелочек. Парень едва поймал их, после того как те отскочила от его груди. Не спеша радоваться, поэт внимательно оглядел «инструмент». Разочарованный вздох. Веревочка, соединяющая шелкающие тарелочки низко свисала двумя расщепленными концами. Цыкнув, Ромео принялся вязать узелок, скрываясь из виду в здании. Герой лишь посмеялся, замотав головой, но не вмешивался.

– Давайте–давайте, это не конечный пункт сегодняшней ночи, – подталкивая Феню в спину, чтобы тот пошел следующим, Я выловил взглядом Соню, вместе с тем ударяя по краю скейтборда ногой так, что тот подлетел в руки. – Поспеш, Паря! Топ–топ!

Но «Паря» и бровью не повел, волочась с прежней скоростью, смотря себе под ноги. Довольно шумный подбор доски Героем, приковавший мой взгляд, никак на него не повлиял. Только когда Соня проходил мимо Иннокентия, удалось привлечь его внимание касанием руки:

– Я к тебе обращаюсь, Маря.

– А... Вот оно что, – подняв глаза на Героя, Соня протяжно вздохнул. – Будет сделано.

И, как ни удивительно, Паря ускорился, трусцой добежав до входа. Однако, перед ним вклинился Момент, заявив, что чувствует – так надо. А уже за ним прошел Иннокентий, переглядываясь с Я. Едва ли я смог бы понять, о чем кто–либо из них думал сейчас. Все происходящее, казалось, вовсе не имело смысла. Зачем им нужен какой–то клуб? Разве в Упадке, – городе, покинутом солнцем, лишенным всего светлого, но и с тем даже не интересным тьме – могло быть что–то настолько странное? В городе без счастья и несчастья.

– Ты ошибаешься! – возражая моим мыслям, воскликнул Герой, тыкнув пальцем в мой нос. – Или же, вернее сказать «ты ошибается»? Если ты – Ты, то стоит ли мне обращаться местоимением или использовать имя с третьим лицом? – отведя взгляд, отвлекся тот на череду вопросов без ответа. – Но не будет ли второй вариант грубостью? А отчего бы мне не быть грубым? – казалось, он и не собирался думать над ними, а просто издевался, плодя сущности.

– Ошибаюсь? – вмешался я, надеясь твердо заданным вопросом вернуться к его уверенному утверждению.

– Да, ошибаешься, Тень! – Герой самодовольно ухмыльнулся.

– В чем? – я подошел ближе, ко входу, краем глаза подсматривая, куда всё-таки ушли остальные.

Но Я схватил меня за запястья, поднимая мои руки выше головы. С хищным оскалом пронзив взглядом мои глаза, он выжег всё вокруг красным. Всё исчезло в красноте, оставляя в поле моего зрения лишь изломанную дугу его губ и пылающие очи, багровеющие в алой вспышке. Это ослепило моё ощущение пространства и реальности – мир вокруг точно исчез.

– Ты сказал, что в Упадке нет счастливых людей, – разнесся отовсюду голос Героя, волнами ударяющий в сердце, заставляющий его биться. Но только так, как он сам хотел. – Это неверно. И я докажу тебе это. Покажу.

Глава 4. Счастливые люди

Двое немолодых мужчин стояли друг напротив друга, голые по пояс. Их совсем не атлетичные тела напоминали мешки с песком – выпирающие складчатые брюхи грузно потряхивались при движении. Несмотря на обильную волосатость, они блестяли, залитые потом, в приходящем и уходящем теплом свете потолочной лампочки, качающейся в полуметре над их головами. Сгорбившись и расставив руки в стороны, мужчины пыхтели носом, пока их раскаленные лица корчились в странных гримасах. Злобы? Страха? Ненависти?

– Счастья, – не отрывая от них взгляда, я внимательно слушал слова Я, – в Упадке немного. Тут Ты в чем-то да прав. Однако, что же такое это «счастье»?

Стоило одному мужчине сделать выпад навстречу другому, как тот поступил соответственно – замахнулся, что позволяли силы, встречая чужую грудь тяжелым ударом. Проявивший инициативу пошатнулся, падая спиной в толпу, окружавшую их плотным кольцом. Но свалиться на пол ему не дали – несколько левых рук вытолкнуло его обратно.

– А ну дерись! – озлобленно раздалось из роя рук. – Я на тебя три банки поставил, скотина такая!

Голос поддержали звериными завываниями. Они отдаленно напоминали скандирование чего-то короткого, – прослеживался определенный ритм – однако ничего внятного различить не удавалось. Лишь барабанивший по ушам рев десятка раздираемых глоток. Но, вопреки ему, я отчетливо слышал слова Героя:

– Счастье – это единство цели и надежды, – объяснял тот, показывая рукой на дерущихся. – Потому эти люди счастливы.

Едва ли я мог согласиться с ним. Глядя на то, как покрытые темными пятнами тела бросались друг на друга с кулаками, яростно набивая гематомы на боках, груди и плечах, я не видел в них ничего, что можно было назвать «счастьем». Но герои не ошибаются, и мне оставалось лишь взглянуть на них ещё раз. И ещё раз, и ещё раз, осмысляя слова Героя. А один из мужчин тем временем свалился на пол лицом вниз, избиваемый в спину своим соперником на шатающихся ногах.

– Не понимаю, – честно ответил я.

– Конечно не понимаешь! – со смехом разразился Я. – Это не так понимается! Не на словах, но на деле.

– На деле?

– О, так тебе не терпится? Не волнуйся, Я обо всём позаботился! – Герой указал рукой в дальний угол, где стоял Соня, протягивая мешок незнакомому лысому мужчине. – Будешь биться следующим.

– Биться? – я спросил об этом спокойно, чувствуя себя несколько оторванным от реальности происходящего.

– Ага, насмерть! – довольно подтвердил он, о чем-то жестикулируя лысому. Тот удрученно покачал головой, но забрал переданное Соней. – На такие бои заявок немного, потому они стартуют, как только, так сразу!

– Зачем? – на этот вопрос Я с оглушающим шипением вжал указательный палец в мои губы.

– Больно спрашивать такие глупости! Ты ведь самоубийца! – схватив за плечи, Герой развернул меня лицом от себя, став проталкивать через толпу к другой части зала. – Кроме того, с жизнью уже расстался. Я забрал её, вот и распоряжаюсь. Тут в качестве ставок принимают не только деньги, но ещё и продукты.

– Вот как...

– Даже, скорее, в основном продукты, – с неловким вздохом поправил себя Я. – А с запасами в клубе сейчас напряженка! Когда тебя убьют, за зрелищность выручим немного более свежих продуктов, чем мы принесли.

– Когда? – в грудь будто воткнули толстую иглу, пронзившую предсердие. – Не если?

– Да, Тень, когда! – сердито ответил Герой. – У тебя ведь нет цели в жизни. Нет и надежды её достичь.

На горизонте показался более широкий, очерченный черным и красным кругами участок, свободный от толпы. Красным был меньший, внутренний круг, около трех метров в диаметре. Черный же опоясывал уже его, добавляя ещё полтора метра. Внутри этой зоны не было никого, да и вне её было всего несколько человек, сидящих или стоящих в отдалении друг от друга. Все они выглядели отрешенно, будто глубоко задумавшись над чем-то своим.

Один с полностью перебинтованным торсом – бинты по неровной диагонали рассекала темно-бордовая полоса. У другого голова скрывалась за черной тканью, очевидно накрученной в несколько слоев, без каких-либо признаков отверстий для глаз, носа или рта. И третий, последний из тех, кого я успел рассмотреть, не был не только без верха, как большинство здешних «бойцов», но и без штанов. Единственное, что как-то прикрывало его тело – грязно-серая набедренная повязка. Как раз он поднялся с пола, выпрямляясь в полный рост, напрягая довольно рельефные руки, точно красуясь. Вероятно, он был немногим ниже Героя, однако телосложение заметно выделяло его среди прочих. Почти отсутствующая жировая прослойка в купе с готовыми к активной работе мышцами.

– А у них вот – есть! – продолжал Герой, остановившись вместе со мной в шаге от черного круга. – Если выживешь, даже расскажу, какая!

Мне стало нехорошо. Сердце застучало чаще. Меня посылали умирать? С такими словами? Абсурд и только. Но в его речи не ощущалось ни толики шутливости или насмешки. Он говорил с улыбкой, но всерьёз. Присвистнув, Я отошел в сторону. А я обернулся к нему, застыв на месте. Не собирался идти в круг. Мне не хотелось умирать так. Но из толпы выскочил Песик, вдруг выпрыгнув передо мной, лягая ногой в грудь. Пролетев до красного круга, я шлепнулся на пол, сдавленно кашляя от боли.

– *Веселись!* – заливаясь желтушным хохотом, пожелал мне тот.

– Издеваетесь?! – чиркнув ножом о нож, фыркнула Беся, сидевшая за спиной перебинтованного мужчины. Не смог раньше заметить её среди претендентов на бой в этом круге. – Дерьмоголовые ушлепки... Ты сдохнет быстрее, чем станет хоть крохотку весело! В чем тогда кайф, утырки? – из-за её головы показалась пара черных глаз-бусинок на серой мордочке.

Откуда-то издалека, едва слышно нащелкивая ритм, затянул мелодично Шекспир:

Слабоумие и отвага – вот девиз Героя!

Запросы выше крыши у него для боя!

Коль победа за Тенью, съешь мне свою рубашку!

Ставьте, ставьте ваше – Тарзан не даст поблажку!

От десятков разных чувств, исходящих ото всюду, кружилась голова. Еле поднявшись на ноги, я поспешил выйти из круга, но меня остановило режущее чувство... от ножа, воткнувшегося в руку. В шоке я оглянулся и увидел, что по периметру черного круга село множество людей с палками, на концы которых были примотаны на скотч ножи. Один из таких высунулся из моего предплечья, приковывая взгляд пятном *красного* на острие. *Пятном моей крови.*

– Чувствую, что сейчас самое время дать тебе совет, дружище Тень! – окликнул меня Момент, стоящий позади одного из мужчин с ножом на палке. – Поосторожней с границами *Круга Боли!* Красного такого, – перекрикивая начавших шумно болтать «зрителей», он обвел широким жестом зону, из которой я намеревался выступить. – В нем тебя могут и будут колоть и резать! Некоторым это идет на пользу, так что смотри по себе.

– Спасибо... - шепнул я себе под нос, накрывая свежий порез ладонью. – Спасибо?

В растерянности я смотрел то на «круг боли», то на людей, с довольными рожами ожидающих своего шанса пырнуть меня, то на Героя... Точнее, на место, где я в последний раз его видел. Среди сгустившейся толпы теперь невозможно было отыскать хоть кого-то из знакомых. Да и мог ли я рассчитывать на что-то от этих «знакомств»? Ведь именно они загнали меня в круг. Позади раздались тяжелые шлепки голых стоп об пол. Медленно развернувшись, я оказался лицом к лицу с «Тарзаном», мускулатурой которого успел слегка восхититься.

В голове рождались достаточно поверхностные, очевидные мысли. «И от этих крепких, мужественных рук я встречу смерть?» – было первой. «Крыша – более быстрый и менее болезненный вариант», – второй. И только третьей: «Я правда сейчас умру?»

После всего того, что я пережил за этот день, – или, скорее за последние шесть часов – стало страшно умирать. Тогда, на крыше, я знал, был уверен, что моя маленькая история подошла к концу. Закономерному, логичному, подходящему. Но теперь я, в какой-то степени, понимал Момент:

– Мне... Мне не время умирать, – в ужасе пробормотал я, отбросив рациональность.

Однако Тарзан, очевидно, не чувствовал того же. От него исходила решимость, отчетливое намерение победить. А значит, убить меня. Раздался болезненно желтый крик: «**бей его!**» Один шаг – и он уже на расстоянии вытянутой руки. От напряжения у меня сперло дыхание – я сжал руки в кулаки, выставив те перед собой. Но его это только рассмешило. С рыком схватив меня за предплечья, Тарзан ударил коленом в низ моего живота, вместе с тем поднимая. Я взмываю, он падает, перебрасывая через себя спиной в пол. Пробиваясь через биение сердца в висках, до меня донесся хруст позвоночника. Или ребер. А может, и того, и другого. Распластавшись на полу, я перестал различать отдельные ощущения тела. Оно будто смешалось в однородную массу, способную лишь чувствовать тупую боль, всё более сильными волнами расходящуюся от центра к поверхности. Словно она исходила изнутри. Извне же доносилась ярость, уверенность, сила... и *счастье*. Лучшее острейшими пиками.

Волны этих чувств бились о площадь моего «тела», стремительно заполнявшегося болью. Да, она не просто приходила, но оседала. Сохранялась, начиная зудеть, покуда на неё наслаивались новые оттенки боли. Они же кололи во все стороны, подстрекаемые чужой яростью, уверенностью, силой и счастьем. Снова и снова. Раз за разом. Вновь и вновь. Всё это... в пределах одной секунды. И уже со следующей количество и качество возросли экспоненциально. Секундой позже – мое сердце л о п н у л о. Не стало барабанного стука. Исчезла боль. Исчез и .

Неразборчивые, разнородные сигналы били по содержимому черепной коробки слабыми, но раздражающими разрядами т о к а. Жужжа и покалывая, несурзные звуки понемногу достигали порога восприятия, сту чась в дверь разума. И с каждым стуком надоедливые гости обретали более четкую, распознаваемую форму.

– Плохая новость: ты не умер! – пронеслось через порог, осознаваясь мной как распознаваемая речь.

Мои глаза, как оказалось, были открыты, отчего ко мне и обратились. Однако опознать что-либо зрением не представлялось возможным. Размываемые качкой цвета и формы сливались в произведение абстрактного искусства. Тело ощутило давление, оказываемое на живот – он упирался во что-то, бывшее опорной точкой. Ноги и туловище же безвольно свисали под давлением сил притяжения.

– ...орош...? – пытаюсь произвести «А хорошая?», я столкнулся с крайней степенью бессилия, едва дававшей пошевелить языком.

– Нам вернули мешочек, поставленный на тебя, и прибавили обещанное за проигрыш, – охотно отвечал мне голос, который я не узнавал. Слова поддавались дешифровке, но не тембр

и его принадлежность. – Никто не ожидал ничьей. И раз уж спрашиваешь, Я обязан сказать, что хозяину следовало дать больше обещанного! Я ему так и сказал.

Перебарывая тяжесть собственного тела, я приподнял голову, силясь осмотреться. Подо мной расплывалось черное пятно, не сразу опознанное как человеческое тело в некоем подобии свитера. Кто-то нес меня на плече, отчего и чувствовалась значительная тряска. По бокам от этого кого-то шли знакомые ноги: слева Песик, справа Ромео. Впереди шли Герой и Момент, шагая спиной вперёд.

– Ничья? – непонимающе спросил я.

– Именно так! – ликовал Момент. – Настоящий момент славы, должен сказать! После такого не стыдно было бы умереть... Хотя, нет, ведь именно тем, что ты выжил, он и славен.

– Тарзан свалился без сознания одновременно с тобой, – хлестко хлопнув меня по плечу, поведаль Я. – Хорошо сработано, Тень. Плохо, как для обычного самоубийцы. Но теперь я знаю, что не ошибся с тобой. Тебе самое место в клубе!

– Герои ведь, – я невольно прервался на кашель, болью разошедшийся по грудной клетке. – Не ошибаются.

– А то! – насупившись, подтвердил Герой. – Но и Тени не такие пронизательные, так что заканчивай с этим. И просыпайся, вылазка только началась.

– Снова бои?

– Не угадал! – чуть насмешливо протянул он. – С тебя, конечно, продуктов вышло не густо... Но и не пусто! Тем более что ты не единственный, на кого мы делали ставку.

Уперев руки в грудь несшего меня незнакомца, я приподнялся, осматриваясь тщательней – зрение, по большому счету, пришло в норму. Оглянувшись через плечо, я заметил Бесю. Руки небрежно обмотаны чересчур белыми на её фоне бинтами. Спасали от излишнего контраста крупные кровавые пятна, пропитывающие срезанный с кого-то бинт... Она, неспешно облизывая окровавленные ножи, меняя их раз в пару лизков, шла позади моего носильщика с растянutoй ухмылкой. Это даже отдаленно напоминало довольное выражение лица, но едва девушка пересеклась со мной взглядом, скорчила свирепую мину, рывкнув:

– Ты какого черта не подох, выродок?! – перехватив ножи обратным хватом, Беся встала на месте, основательно топнув ботинком. – Собиралась заставить того ушлепка лакать с помойного пола твою ублюдскую кровь, пока его бы не стошнило, а уж это заставить следующего –

– Молю, не произноси этого! А то стошнит уже меня... – жалобно заскулил откуда-то вне поля моего зрения Феня.

– Не думаю, что это удачный подбор аргументации, – рассудительно отметил Момент. – Ей ведь это, наоборот, на руку.

Мне нечего было ответить – я не знал, почему я не умер. И это едва ли волновало меня. Происходящее никак не вязалось во что-то поддающееся осмыслению. Не осознанность спасла меня. Но лишение её... Без неё оставалось лишь чувствовать. И я чувствовал, что уже переживал подобное. Потеря сознания. От чего? Одновременно с кем-то, кто представлял угрозу... Кто-то угрожал мне? Думать об этом долго не пришлось, так как появилась более насущная проблема – удержание себя на ногах. Мужчина, и до того не слишком аккуратно тащивший меня, сбросил ношу на землю, переворачивая в воздухе.

– Спасибо за помощь, странник, – подал голос Пятый, выступая из-за плеча незнакомца. – Несмотря на то, что вас ожидает долгий путь, вы потратили силы на то, чтобы понести Тень. Позвольте отблагодарить, хоть многого предложить не можем.

Устояв, я зашагал вперёд, чтобы не оказаться на пути движения мужчины. Его голова оказалась перемотана черной тканью... Закрались подозрения, что это был один из тех, кого я успел разглядеть около кругов. На его теле была и другая одежда, какой не было на боях, а за спиной висел объемный рюкзак. Но, беря это всё в учет, телосложение полностью совпадало с виденным ранее. Иннокентий подвел к себе Соню, бережно притянув за рукав. С осторожно-

стью подраскрыв мешок, удерживаемый Соней, он выудил из него потемневшее морщинистое яблоко. Разочарованно выдохнув облачко пыли, Иннокентий вернул фрукт в бездны холщевых мешков с виноватой полуулыбкой.

– Долгий путь? – обращая на себя внимание Пятого, спросил я.

И тот, очевидно, собирался ответить, однако был **красно** прерван *щелчком*, притянувшим всеобщее внимание.

– А ведь выжил! – с заметным восторгом воскликнул Герой, перебрасывая скейт над моей головой в сторону Иннокентия. – Значится, пора исполнять обещание, – переведя взгляд мне за спину, тот, сменив тон, отдал краткое указание: – Пятый, отдай в качестве платы.

– Обещание? – обращая внимание только на сказанное мне, тут же вопрошал я.

– Герои держат своё слово! «Расскажу, если выживешь» – так Я сказал. И Ты выжил, так что смотри и слушай, – Я махнул рукой на дорогу, растянувшуюся слева от меня. – Именно здесь находится путь к цели и надежда счастливых людей Упадка!

Дорога, вдоль которой мы шли, была лишь дорогой из города. Сам город, относительно компактный, едва виднелся отсюда – его окраины представлялись неказистыми крохотными зданьями, подобным тому, в котором проводились бои. И сама природа, будто уподобляясь убожеству архитектуры Упадка, была на редкость невыразительна и хила – пустые поля с низкой жухлой травой. Глухая, беспросветная равнина. В отсутствие чего-либо примечательного оставалось рассматривать только линии электропередач и... грузовик, едущий из города.

– Не понимаю, – эти слова всё глубже выжигались в подкорке моего новосбитого воедино сознания, формируя стандартный способ взаимодействия с действительностью.

– Я сказал «смотри и слушай», а не «говори и глупи!» – возмутился за этого самого Я Момент. И в следующий же миг грузовик промчался мимо нас. – Лужа!

Хоть до меня не дошел смысл последнего слова, так как работа сознания не восстановилась в полной мере, физическому миру не было до этого дела – капли влаги и плеск воды донеслись и до меня. Но основной «удар» пришелся на Бесю, бывшую ближе всех и к дороге, и к луже. Облитая с ног до головы, девушка застыла на месте, прижав согнутые в локтях руки к телу. Оскал, искаживший лицо, и сведенные к переносице темные брови излучали убийственный настрой. С волос медленно закапало.

Ох-ох-ох, какой видок!

Видно, кто-то здесь промок,

Уж ли сразу после душа...

Или видеть меня рада?

Зарядил свою песню Шекспир, кружа в сторону неё с ухмылкой и одной оставшейся щелкушкой. Пританцовывая, виляя бедрами, он дополнил вульгарные строчки «игривым» рычанием.

Ух, смущаешь, Беся, да!

Но простишь ли меня?

Нету в сердце места!

Уступлю в шта-

– АХ! – инструмент выбило

Из его руки ножом, как и кровь из рассеченной ладони, крик из горла.

– Прибыю нахрен, Блэйк! – с ярой ненавистью скрипя зубами, Беся ещё активно обтекала, но уже была готова наброситься на поэта.

– Ой-ой, как заговорила! – проведя пальцем по свежей ране, Ромео с восхищением и азартом любовался кровью. Шумно процедив воздух сквозь зубы, он поднял взгляд на Бесю, сжимая кулаки. – За этим и здесь, стерва! Давай, покажи, на что способна!

Никто не собирался их останавливать. Все просто шли дальше. И я потерял всякий интерес в наблюдении за ними, возвращаясь к уезжающему грузовику. Большой, но достаточно

неприметный. Серый – конечно, какого ещё цвета ждать от Упадка! Однако на этой серости хорошо различались другие цвета. Тел в яркой одежде с пухлыми рюкзаками, зацепившихся за кузов. И уезжающих теперь на нем в бескрайние дали.

– Кто это? – обратился я к Герою.

– Счастливые люди! – оттолкнув в сторону Момент, который снова попытался встрять, Я сложил из обеих ладоней кружки с «ушами» (отставленными вверх средним и указательным пальцами). – Говоря конкретнее, зайцы. Люди с окраин, которых ты видел в «бойцовском клубе», что не окончательно увязли Упадке! У них есть цель – сбежать. И надежда – клуб, где они могут своими силами добыть всё необходимое в дальний путь.

– Это делает их счастливыми?

– Черт возьми, да! – прижав ладони подушечками растопыренных пальцев к лицу, Герой разразился радостным смехом. – Они так счастливы, что Ты и представить не можешь! И их так много, Ты ведь видел? Одной славной ночью, такой как эта, они будут так же, как мы идти по дороге. Но не просто идти, нет – ждать шанса! Возможности запрыгнуть на уезжающий грузовик. С запасами, коллегой по несчастью, ржавой трубой за спиной – кто их знает! Но счастливыми – наверняка!

– Вот как... – я задумался над его словами. Хоть и звучал он точно безумец, тяжело было не проникнуться этим безумством. Сам я и не заметил, что мои губы надломались в улыбке.

Смотря на уезжающих, я почувствовал легкую зависть. Ведь я и близко не был к их счастью. Низкий, слабый и медленный – я и помыслить не мог о побеге. Наверное, если бы я мог желать поступить так же, то вскоре бы впал в отчаяние, сознавая свою беспомощность. Но вышло так, что их цель меня не привлекала. Обернувшись на нашего молчаливого попутчика, я лишился улыбки. Иное чувство охватило меня. Замешательство? Смятение? Интерес?

– А что он? – задал я вопрос, не отрывая глаз от перемотанного лица мужчины. – Тоже будет ждать грузовика?

– Молчун странник, да? – удивительно неуверенно протянул Герой, покосив взгляд в сторону. – Нет, он особый случай. Сваливает на своих двоих, через недельку-другую возвращается, – пояснил он, останавливаясь и убирая руки в карманы джинс. – Но лучше не думай об этом, а то из клуба вылетишь!

– Что?

– Стой смирно! – вдруг выкрикнул тот во весь голос, докрикиваясь даже до самых оставших – Беси и Шекспира, катающихся по земле. – Тут и осядем. Счастливого пути, Странник!

Странник продолжал идти, никак не реагируя на сказанное. Остальные же, послушавшись, дали передышку ногам. Иннокентий с Соней сели рядом, отойдя вглубь обочины. Феня, недовольно ворча и судорожно осматриваясь, присел на колени, постелив под них клетчатый плед, вытянутый им из-под кофты. Момент всё ещё стоял подле нас с Героем, как это пошло с самого моего спуска на землю. А Песик довольно скакал, крутился колесом и вертелся волчком вокруг принявшей горизонтальную плоскость «драки» Ромео и Беси.

– Коли его! Бей её! – хохоча, скандировал резвый коротышка.

На удивление, я не находил в этом ничего странного. Наблюдая за тем, как неудавшийся поэт таскал за волосы, мягко выражаясь, склонную к истерии натуру, в неистовстве колющую ножом мимо его плеч и шеи, вследствие его же хаотичного извивания, сильно напоминавшего предсмертные конвульсии, я не ощущал ни ужаса, ни отвращения. Лишь... желание задать вопрос.

– Момент, – повернувшись к нему, я изучающе прошелся по нему глазами. – Какое у тебя второе имя?

– О-хо-хо! Ты заинтересовался мной? – театрально прикрыв лицо выгнутой ладонью, Момент выпрямился в полный рост, довольно улыбаясь. – Что же, чувствую, близок тот миг, который ответит на все твои вопросы. Кратко меня так и звать – Миг!

Не сказать, что в нем было что-то особенное. Не худой и не полный, не бледный и не темный. Не выше Героя, не ниже меня. Одет в простую монотонную водолазку грязно-бежевого цвета с широкими выпирающими и впадающими вертикальными полосами. Кроме того, заправленную в темно-синие, изрядно запачканные в пути брюки, затянутые простым черным ремнем. Прямоугольная металлическая пряжка с округлыми углами была пуста и непримечательна – без изображения, узора или ещё чего-нибудь. Разве что можно было различить парочку царапин – они были светлее потемневшего снаружи металла. Стопы скрывались поношенными остроносими мужскими туфлями. В коротких коричневых волосах и невыразительных карих глазах Момента, как и во всем лице в целом, едва ли что-то выделялось. Разве что в носе – коротком... и, наверное, чуть островатом. Но что в нем пробуждало мой интерес – так это манера. Поведение и речь, наводящие на догадки и вызывающие вопросы.

– Момент и Миг... Это из-за твоей причины? – смело предположил я. – Не можешь у-

– Потому что не чувствую, что момент настал! – вскинув руку над головой, Миг поднял мечтательный взгляд к небу. – Вся моя жизнь подчинена моменту! Мимолетному мигу, в котором ощущаю себя так, как надо. И даже если жизнь невыносима, отвратительна и жалка, мне нельзя умирать! Нельзя, пока не наступит момент!

– Вот как, – зачарованный чувством, которое ранее, как казалось, мне удалось разделить с ним, я почувствовал зов новых вопросов. – Этот момент... Он не скоро? Как чувствуешь себя сейчас?

– Определенно не готовым к смерти! – Миг наигранно захихикал, прикрывая глаза, вытягиваясь на носке. Раскинув руки, тот собрался закружиться. – Мой момент где-то там, за туманом горизонта, в последней главе! А чувствую себя лишь на пят-КХАРГ! – так я услышал его, хрипящего с ножом, вошедшим в горло.

От тряски подсакивая, болтаясь вверх-вниз, лезвие ещё немного углубилось в плоть, прежде чем было в ужасе вырвано вместе с застрявшей в зазубринах кожей. Меня окатило горячей кровью. Смотря на неё с ещё теплящемся восхищением от речи Момента, я водил окровавленными пальцами по окровавленным ладоням, затаив дыхание. А Миг упал, пытаясь кричать от боли. Но выходило лишь неслышимое бульканье, неумолимо стихающее. Мне стало интересно, что чувствуют другие, и я отвел взор в сторону. На Момента смотрел Песик, улыбаясь так же, как всегда. Едва пересекшись со мной взглядом, тот хихикнул, возвращаясь к дерущейся парочке, от которой и прилетел нож. Беся оказалась безоружна, и вход пошли ногти.

– Бей её! – вновь заскандировал Песик, сообразив, как теперь нужно сказать: – Царапай его!

Глава 5. Привал

Я лежал на траве. И я тоже. Но в отличие от него – вздыхающего с облегчением и непонятной мне радостью, выпяченной дурашливой улыбкой – мне было крайне неприятно. О себе давали знать пинок в ребра и бросок через плечо Тарзана, отдававшиеся жгучей болью при малейшем движении. А от лежания в траве без движения не трудно сойти с ума – желание почесаться быстро охватило все тело, перекрывая все прочие мысли:

«Как же чешется. Шея, спина... Нет, её ни в коем случае нельзя касаться. Пока лежился, едва снова не потерял сознание. Вероятно, у меня закрытый перелом. Или переломы. Внутренние кровотечения... Не имеются. Какая разница! Так чешется! Мой бок... Может просто перестать воспринимать это? Но не ползет ли по нему что-то? Паук, например. Ну и что, если паук? Не ядовитый же... Это местность не входит в перечень сред обитания каких-либо ядовитых видов. Да и если бы ядовитый – я и так собирался умереть. Что значит «собирался»? Уже не собираюсь? Тогда это противоречит членству в клубе юных самоубийц. В позапрошлую вылазку вышли девять жизней некой «Кошки», а теперь...» – пока череду мыслей не прервал новый непреодолимый порыв чесотки, я мельком взглянул на ещё теплого Мига.

Ножа из него уже не торчало. Он ведь сам успел выдернуть его, видимо думая, что это поможет. Но даже рядом с телом оружия не было. Вскоре после происшествия Шекспир с Бесей расцепились по инициативе последней. Если таковой можно считать выкрик:

– Заколебалась! Убейся как-нибудь сам, Блэйк, – после чего та неслабо отпнула его от себя, дезориентируя плевком в лицо. – Отдай, сволочь! Мне сказано вернуть его, что значит, не допущу, чтоб он без моего ведома, каким-то клоунским, подобным тебе, утырок, образом оказался там. Только через мой труп эта херь когда-нибудь вернется на кухню, ушлепок, – рычала Беся на труп, вырывая предмет «спора» из его руки.

Заметив же, что я наблюдаю за ней, девушка оскалилась, слизнула кровь с ножа и внезапно закашляла. Лезвие опасно запрыгало в воздухе, ведомое дергающейся рукой эксцентричной убийцы. Если, конечно, верить Герою. Он сказал, что я не был единственной его ставкой. А единственной, кого можно было идентифицировать как гипотетического участника боя на смерть, была она. Кровь не появляется из ниоткуда.

– Гадость! Отвратительно! Крысиная блевотина! – пиная Мига под ребра, ругалась Беся. – Весь вкус испортил своей мерзотной кровью, выродок! А ну подымайся, тебе ещё шесть расчленений заживо должна – за каждый гребанный день, что в содержанках ходил, жопное перышко павлиньего утырка! Дегенерат редкостный, и причина твоя дегенератская!

Герой усмехнулся. Не громко, но я услышал. И Беся, видимо, тоже – она резко замолкла. Это могло быть и совпадением, но её сосредоточенный на Я взгляд указывал обратное. Перестав горбиться, девушка прокрутила нож в ладони, после чего пропихнула его ручку в шлевку, прикрывая лезвие футболкой – натянув её поверх. Тычущее в ткань острие выпячивалось при ходьбе, но это, очевидно, не волновало Бесю, отходящую вглубь обочины.

– Куда, черт возьми, второй улетел? Черт, наверное, туда... Пойду поищу, – неестественно тихо и невыразительно причитала Беся, внезапно начавшая избегать смотреть на меня и Героя и вскоре скрывающаяся из виду.

Реальность оборачивалась лишенным логики сновидением. После «боя» насмерть я – вполне живой – мирно лежал на травке совсем рядом с тем, кто меня на это подписал. Неподалеку валялся труп человека, с которым ещё недавно разговаривал о жизни, будучи знакомым не более семи часов. А чуть дальше, хотя тоже сравнительно рядом, в поисках орудия убийства расхаживала маньячка, прирезавшая, возможно, не один десяток человек. В голове мельтешило такое обилие вопросов, что выбор из них какого-то одного порождал с десятков новых. Но это, отчего-то, не раздражало или расстраивало, а наоборот – радовало, успокаивало.

вало. Сам того не заметив, я начал улыбаться. Из разрозненных вопросов собиралась стык в стык цельная структура. Между её кусочками пробегали искры, отыскивая связные ячейки информации. **Ш и**

– Момент в клубе всего четырнадцатый день, – произнес Герой спокойным тоном. – Тринадцать, если не считать этот. Ведь уже за полночь, новый день. Но он его не пережил... Считается ли это за две недели? Или всё-таки тринадцать дней?

– Не знаю, – отвечать на вопросы без точного знания мне не хотелось. Всё равно, что бросать игральную кость со стертыми числами и гадать, что же на ней в действительности выпало. Смысл был в поиске другого кубика, в новом вопросе. – А сколько пережила Кошка?

– Кошка? – прыснул от хохота Я. – Десятая в клубе... Вторая пятерка, приведенная первой. Иннокентий приводит только девочек, что странно. Вероятно, совпадение. Не думаю, что он на это вообще смотрит.

– Иннокентий привел Кошку? – странная деталь, вставшая стык в стык, искрясь. **н**

– Да, девять месяцев назад, – протяжно вздохнув, Герой приподнялся на руках, вглядываясь в дорогу, по которой мы пришли сюда. – Умерла на девятый день с прихода Мига. Могла бы и раньше, приведи её я! С относительно недавнего времени предпочитаю не церемониться и сразу пробиваю почву в плане решимости.

– Прощупываешь? – попробовал поправить я.

– Не-а! – довольно и уверенно улыбнулся Герой. – Именно что пробиваю! Как с тобой! Если уж юноше и правда не для чего жить, то туда ему дорога! Ошибкой было отвлекать, так быстро и исправлюсь.

– И ресурсов для клуба раздобудешь? – вспомнился мне разговор перед «боем».

– Ага! Приятный бонус. Вот только Иннокентию не по душе, так что часто туда не ходим. И Момент пробивал иначе, не так действенно.

– Как?

– Все тебе спросить надо! – поднявшись на ноги, Я присвистнул. – Я ушел, Ты за старшего, – протянул тот криком, оборачиваясь на меня с ехидной улыбочкой. – О Кошке, о Моменте... О нем не подскажу, но Кошка вечно вокруг Пари вилась, расскажет побольше моего. Только сказанного мной и не скажет, но это уже пройденный этап. Поручаю тебе разобраться в этом самому! – прошептал Герой, тут же отворачиваясь и убегая. – Отвечайте на его вопросы, не обижайте! Сигнал стандартный!

Оставив такое завещание, Герой оставил оставшихся, махая рукой на прощание. Семеро в ночи на обочине дороги. Не считая трупа. И я «за старшего»? Едва ли мне были понятны его намерения, но остальные, похоже, не удивлялись. Беся зашипела, чертыхаясь, но уже когда тот был достаточно далеко (он бежал обратно в город):

– Старший? Этот сопляк?! Да грязь на моем ботинке будет постарше и поспособнее!

Песик захихикал, то ли соглашаясь, то ли просто оттого, что такой смешливый. Не поддавалось осмыслению, как он умудрялся без остановки вертеться и точно так же смеяться – едва нашлось бы хоть что-то отдаленно напоминавшее повод. Шекспир не отставал, едва отряхнувшись, начал настукивать тупой стороной (хотя «заточка» Беси делала их различия не столь существенными) ножа о треснутую тарелочку едва складный ритм:

Старший Тень? Младший же!

Шутки такие смешны, но не мне!

Первый день, не второй!

А Ты уже важничает, ой!

Ой-ой-ой-ой, дурит наш Герой...

Не думай, Ты, только, что тут как родной.

Нет у нас дома, нет и друзей.

Мне вот, к примеру, нет песни родней.

Ускоряя темп голоса вместе с добиванием крошащегося на глазах «инструмента», Ромео топтал ногами траву, вышагивая взад-вперед и кланяясь.

Не важно, что скажет чудом выживший Тень!

Окажешься трусом – не...

И без того не складный слог, очевидно, зашел в тупик. Танец застопорился, а лицо исказило напряжение.

– Черт возьми! – в сердцах крикнув, Шекспир швырнул тарелочку, тут же рассыпавшуюся в полете, и нож, куда глаза глядят.

А глядели они сперва на Феню, жалобно хныкнувшему, когда пластиковая дробь оросила его голову, а затем... на меня. Беспорядочно вертевшийся нож летел в меня. В голове тут же вспыхнул образ Моментa, и я неосознанно обхватил шею ладонями. Этим резким движением я не защитился – угрозы мне и не было. Рукоять, которой тот бы долетел до меня в любом случае, до столкнулась с оттопыренным локтем. С тем нож отправился в другую сторону, где никого не было. Мой локоть пронзила неприятная, но терпимая боль. Тут же выключенная.

– Ай, – осознанно сказал я, отчего-то чувствуя в том необходимость.

– То-то же «ай»! – возопил Феня, растирая ладонями голову. – Психи вы психованные, не можете перестать бросаться хотя бы на пять минут?! Убить меня же всё равно не можешь, так теперь за так Мигу дело облегчил! Ну спасибо, теперь голова болит! Сначала железяку, теперь эту гадость! Фу, по мне будто снова тараканы ползают! Жуть, пакость, страх, ужас! – судорожно перебирая пальцами разнородные пряди волос, лысые участки головы, а затем и плечи, вытряхиваясь от крошек, истерично подвывал тот.

– Да заткнись, нытик! – гневно разразился Ромео. – Сам шанс профукал. Точно в тебя ведь его выбил из рук этой кикиморы, да ведь отразил.

– Будто бы специально! – надулся Феня.

– А как ещё? Как ещё? Не поверю ни во что! – без аккомпанемента, но с резкими, обрывистыми пасами руками отчеканил поэт. – Бреешь же про проклятье! Знаю точно, не прогнать тебе! Чушь несешь и вечно ноешь – сопли твои тошнотворны! Сдохни уж и не нуди! – глухо топнув ногой о землю, скалясь, он обернулся ко мне, ставя ощутимую точку: – Ты, раз старший, рассуди!

Едва ли тот выглядел младше меня. Конечно, я давно не смотрел на себя в чистом зеркале, но сложены мы были весьма похоже. Разница в росте всего пара сантиметров. Небрежность во внешнем виде плохо сочеталась с гладким молодым лицом, легкими, прыгающими локонами. Да и его поведение... Эти жаркие, злящие волны, исходящие от него! Раздражение, гнев, сила. А ведь сильным должен был быть я. Мне было дано право задавать вопросы, и что он тут же попытался сделать? Заставить отвечать меня! Нагло и смешно. И я засмеялся.

– Что, сам не можешь разобраться? – с неожиданной для сознания дерзостью фыркнул я на него, отмахнувшись. – Может, если переживешь бой насмерть, прислушаюсь. А пока посиди смирно, подожди сигнала!

– Чего? – опешив, Шекспир упал на задницу. Раздражение смешалось с недоумением, сомнениями и удивлением, вмиг переполнившими его. – Да разве Ты-

– И без песенок, Ромео! – поддаваясь захлестнувшей меня язвительности, я оставил поэта, уходя к обозначенной ранее цели.

Паря. Он же Маря, он же Соня. «Как только его не зовут?» – мне стало до злобы интересно. Или интересно от самой злобы. Непримечательный до незаметности парень теперь легко нашелся. Взгляд застыл, споткнувшись об него. Сгорбленно сидя на траве, он лениво смотрел в пустоту полуоткрытыми глазами. Иннокентий рядом с ним же рыскал ладонями в траве. У его колен лежала свеча... Нет, мне нужен был не он.

– Соня, – спокойно позвал я. – Или Маря? Паря?

Пассивность, излучаемая им, притупляла агрессию, ещё теплившуюся в груди. Соня никак не отреагировал на зов, оставаясь неподвижным. Точно Момент, лишь в другом положении. Но всё-таки жизнь в нем была, и спутать с мертвецом я его не мог. Пятый, ухватив у основания жухлую травку с разветвлённым стеблем, вырвал её с корнем, прежде чем обратить на меня внимание.

– Со-

– Хоть как его зови! – встряла криком Беся, подбирая ударивший меня нож. – Только докричись. Глуховат, Хоть-как, с первого раза не слышит! – ухмыльнувшись, она трижды шваркнула ножами, проясняя взгляд Мари.

Лениво оглядев её, меня и Иннокентия, он послушался Бесю (та кивком и лязганьем указала на меня), слабо улыбнувшись и кивнув. Медленно отведя руку за голову, парень зевнул, поглаживая затылок. Простой парень в простой одежде – плотном светло-сером свитере и тусклых целых джинсах, слегка истрепанных у пяток. Грязи, очевидно пришедшей с затасканных черных туфель со шнуровкой, чьи концы свободно валялись на земле, было, наверное, даже меньше, чем следовало после такой прогулки. Дикорастущие, будто заброшенные пшеничные поля, волосы закрывали уши примерно до середины, у лба кончиками свисая перед глазами. В отличие от того же Момента он почти не говорил, никак не привлекал к себе внимания, и потому его присутствие здесь вызывало вопросы.

– Хоть-Как? – с сомнением окликнул я, будучи неуверенным в понимании слов Беси. – У меня к тебе пара вопросов.

Соня молчал, смотря на меня всё тем же пассивным взглядом. Моя непрямая просьба не была воспринята как таковая. В повисшем молчании слышалось лишь, как Пятый шуршал травой, снова находя что-то, вырывая и обтряхивая. Спокойствие и лень перекрывали путь к разговору, что мог бы дать ответы. Стремления истончались. Но сложив травку в образовавшуюся горку, Иннокентий всё-таки подал голос.

– Ты хочешь спросить тебя о чем-то, – положив руку тому на плечо, он несильно потряс его. – Тебе следует ответить.

– Надо? – неохотно протянул Соня.

– Надо? – недоуменно спросил я.

– Надо, – ответил тому Пятый. – Указ Героя.

– Надо... – выгибая шею, Паря поднял лицо к небу Упадка. Раскрыв глаза, более голубые, чем то, на что они были обращены, он медленно повалился на спину. – Значит надо. Спрашивай, Тень.

Глава 6. Юность

Окутанный туманом, потухший вид. Мутные очертания нереальных, будто слепленных из пластилина предметов интерьера. Голая барная стойка, тусклая настольная лампа, стоявшая на ней. А за стойкой красное пятно – вытянутое, высокое... в капюшоне. Подле него другое, сильно ниже. Светлая, пушистая голова – мальчик-одуванчик. Они говорили, но вязкий воздух не донес до ватой забитых ушей ни звука речи. Только мягкий, мурлыкающий скрип. Вперёд-назад – взгляд покачивался вместе с телом. Много правее стойки, будто «стертая» дешевым ластиком, дверь. Наружу, в этот кукольный, пластиковый мир. Где ходили и будут ходить мерклые куколки, одна на другую похожая. Ничего нового, ничего важного. Игра без смысла и конца.

Но дверь открылась. Из тумана игровой площадки в подвальный сумрак спустились гости. Серый великан и незнакомое темное пятнышко. За руку проводя пятнышко вглубь помещения, Иннокентий остановился, оборачиваясь на Героя. Бесформенная волна его голоса слабо отзвенела, едва беспокоя. Мыльная серая дымка отделилась от губ Иннокентия, указывая на дачу ответа. И с содроганием Героя, хотя и не сразу, воздух разразился звоном. Взмахи руками, прыжок через стол – далеким грохотом доходили до моих ушей – и вот Герой уже совсем рядом. Одуванчик хвостиком за ним. Темное пятнышко – за спину Иннокентия. Много суеты. Мир накрыла тьма – то глаза закрылись. Но мгновение сна привычно прервало касание. Грубый толчок в плечо. За ним слышался окрик:

– ...**ак!** Ушли... ..тра... ..**ошка на те**... – то приглушаясь, то проясняясь, доходили до сознания толчки ватного голоса. – ...**тереги тут!** ...юзга никче...

Вновь явившийся свет проветрил обзор. Узнались стены клуба и фигуры уходящих. Героя, Пятого, Ромео, Фени... и Беся, только отворачивающаяся. Ушли на вылазку. Оставили здесь. С незнакомым пятнышком.

– ...**ошка. И**... ..ожно... ..**иса**, – приблизившись, темное пятно стало немного четче, приобретя очертания молодой девушки. Или, скорее, девочки. – **Ты в ... рядке?** – обеспокоенно протянув руку, но тут же одернув её, неуверенно спросила она.

Отвечать не хотелось. Нет, нежелания не было. Но не было и желания. Чужое вмешательство не нарушало внутреннего спокойствия. Безмятежности, которая охватывала весь мир этим мягким туманом. В нем было так бесстрастно, что делать хоть что-то казалось преступным. Но девочка, несмотря на неловкость, не отставала:

– **Прости, ты живой?** – негромкий, но звонкий голосок уверенно проходил сквозь дремучий лес восприятия. Проходили минуты, а может и часы. Но несмелые вопросы, тычки и щепки периодически доходили, не давая уйти в дрему. – **Как тебя звать?**

– Хоть как... – протяжно тихо простонал... я? – Пофиг.

– Хоть-как? Пофиг? – хлопая веками, спрашивала она, склоняясь всё ближе.

Зрачки пары желтых глаз заметно расширились. Темно-темно-каштановые волосы до плеч расстилались шторками, когда та наклоняла голову то влево, то вправо, бдительно рассматривая человека перед ней. Девочка в белой блузке, почти полностью скрытой за несоразмерно большой, черной вязаной жилеткой, из-под которой выходила достаточно длинная черная юбка. Низенькая, ниже лица сидевшего в кресле-качалке, она была чуть пухловатой. А надув щеки в какого-то рода брезгливости, та показалась ещё круглее.

– Кошка, – нерешительно представилась девочка. – Или... **Мяу? Не в том смысле, что это мое второе имя**, а о том, что кошки не говорят словами. **А кличка другая...** – сложив ладони на груди, Кошка малость запнулась, отводя взгляд. – **Киса.** Но это **глупо**, наверное.

Нервно усмехнувшись, Кошка вновь стихла. Переминаясь на месте, она точно собралась уйти. Растерянный, но в большей мере расстроенный взгляд метался по сторонам, прежде чем пасть на выход. Кошка не знала, что ей здесь делать. Остаться было незачем.

– Соня, – подал голос Хоть-как. – **Марионетка.** Маря. Кукла, – бормотал он, немного напрягши горло. – Так меня чаще всего зовут.

– *Звучит мило...* – урчащие нотки понемногу понижали звонкость речи. – *Мягко и приятно.* Из-за мягких звуков, наверное.

Глаза закрылись. Но голос продолжал литься. Неразборчиво, но мягко. Бесперебойно, но не раздражающе. Теплом окутывая всё тело от ушей, её голос доходил колыбельной. Слова, не требующие ответа или отклика:

– *Душой кошачья... девять жизней.* Больно будет тратить... Восемь раз умирать, – отголоски речи доходили прибоем, то тише, то громче, но всегда пеной стелясь на зыбком берегу лени, просачиваясь в неё. – Знаешь, когда планеты... Их движение, относительно звезд... Силы светил отражаются... Наделяя людей особенностями... – просачиваясь и тем самым заполняя, преображая её. – *Избранные небесами...* дары и проклятия... *Звериное царство сильно душой...* Люди иначе... – прибой били чаще, громче, простираясь дальше. – **Ну а ты... О тебе тоже хочу узнать,** – глаза раскрылись в ответ на теплое касание. – **Хочу узнать! Хоть-как, ну скажи...**

Но перед открытыми глазами была не Кошка, но незнакомый мужчина, смотрящий снизу вверх. Сидя перед Соней, держа руку на его плече, мужчина в деловом костюме излучал строгость, но не угрозу. Затуманенный взгляд упал с его лица, на котором не различалось ничего, кроме темной полосы сомкнутых губ, в ноги. Мутным пятном виднелось и маленькое тельце Сони. Детское...

– **Скажи мне, сын...** – голос родителя отдавался глухой печалью. В обрывистых словах звучал не укор, но разочарованность. – **...не стараешься. Учеба важна... много работаем... Твое будущее...**

– Буду учиться, – спокойно произнес Соня. – Раз надо.

Взгляд прояснился. Но окружение сменилось, и перед глазами оказались руки, в напряжении дрожащие над тетрадами. Горкой лежащие одна на другой, опоясанные учебниками, испещренными столбцами цифр и строками букв. Сердце сжалось в **тяжелый ком**, что после гнетущих секунд накала разжалось, **натягиваясь до предела.** Боль импульсом **впилаась в его стенки**, разливаясь убеждающими **уколами и жаром.** И вновь тишина... **напряжение.** Буквы и цифры мерцали перед глазами, **врезаясь в голову.** Взгляд **потемнел.** Сердце успокоилось.

– Ребята, – донесся до слуха далекий женский голос. – **...яните на Хэйла! Был... а стал луч... классе!** – громкий поучительный тон прорывался сквозь сгустившуюся в ушах вату, **раздражая.** – **Старания... может каждый!**

Угасание. Тишина... Приятная, но недолгая. Голос отца лился неясной речью. В повторяющемся воодушевленном потоке слов выделялись лишь повторяющиеся слова: «**молодец**», «**горжусь**», «**можешь**»... Может?

– Может... Нет, даже **нужно!** Учеба хорошо, но... Взрослая жизнь – **работа...** Надо... **опыта.** У знакомого... устроиться, – отчасти ласково, отчасти беспокойно, но всецело непрерывно прибывали волны его голоса, тесня спокойствие. – Попрошу, если хочешь. Что думаешь?

– Буду работать, – понимая, чего тот хотел, ответил Хэйл. – Раз надо.

Он делал всё, что надо. Что нужно было его отцу, учителям, работодателю. **Скрипя** сердцем, подросток Хэйл добивался того, чтобы его оставили в покое. И такая жизнь не была неприятна или пуста. Со стороны она вполне устраивала всех. Умеренно стараясь, он смог начать обеспечивать себя сам на момент поступления в ВУЗ. Работа и учеба протекали

незаметно, быстро **проходящими** толчками напряжения, к которым тот привыкал, набивая шишки. «Ничего не поделаешь, с чем-то всегда придется мириться», – считал Хэйл. Всё его естество было заточено под такую жизнь. Едва ли он мог желать чего-либо иного, нежели простого спокойствия.

– ...**тичный, знаешь?** – звуки расстились по поверхности сознания, быстро стекая в пустоту, не поддаваясь восприятию. – ...**кий и вечно... это мило!** – на «автопилоте» выполняя свои рабочие обязанности, он не распознавал ничего голоса, помимо его непосредственного руководства. Но громкие слова, звенящие над ухом, а затем и настойчивый жест – утягивание в сторону за именной бейдж – заставили парня проснуться. – *Хэйл, да?*

Она решительно ворвалась в его затуманенный взор. Сверкающие зелёные глаза развеяли дымку, в которой был погребен мир. Овал темного веснушчатого лица, сведенные то ли злобой, то ли смущением брови, но главное – пронзающие острым чувством зрачки. Они словно уперлись не в лицо, но куда-то внутрь, в самую суть. И тем осветили не только её во взгляде Хэйла, но и что-то в нём самом. В глубине, откуда шла вата, заполняющая всего его, зародилось нечто иное.

– Да, – обомлев, впервые в жизни, едва протянул он.

– Абигэйл! – надпись на бейдже подтверждало дерзкий выкрик. Скрестив руки на груди, девушка скрыла из виду бейдж, но взгляд и без этого тянуло к её глазам. – Запомни! Сразу, и чтобы без подсказок!

– Хорошо, – ответил Хэйл, продолжая стоять столбом и молча, но упорно смотреть на Абигэйл.

Девушка смущенно хихикнула, поворачиваясь боком. Но через уголок глаз её взгляд продолжал держаться на Соне. Подперев ладонью подбородок, та задумчиво сказала:

– Какой хороший! Все бы так сразу понимали, Хэйл. Ну что же, ещё увидимся!

– Хорошо... – привычно произнес он, видя, как она убегает, исчезая в тумане.

Зародившееся внутри потускнело, но не погасло. Раздражение, которым обычно отдавались контакты с миром, чувствовалось иначе. Или, скорее, чувствовалось вовсе не оно. Но что-то незнакомое... Неопишное словами. Касание руки, мягкое и нежное. Смех, объятие. Поцелуй. Один за другим доносились странные, непривычные, но приятные ощущения, нарушавшие покой не нагнетая. И работа с учебой стали светлее и легче, затянутые не серой, но розовой, *сладкой*, как сахарная вата, пеленой. И весь круговорот быта порозовел, сопровождаемый теплотой. Теплотой, подаренной Абигэйл.

Зеленые глаза прорезали туман, смотря с неизменно неизмеримой энергией. Широкая улыбка, юркий взгляд, крепкий, уверенных хват, влачащий за собой. Казалось, в лучах этой приятной, бодрящей, раскачивающей активности можно провести вечность. Наслаждение ею подменило блаженство пустой пассивностью, оставляя следы, яркие образы, вспышки чувств и ощущений. **Вспышки...** начавшие угасать? Тише... Короче. Туманнее. Затишье перед бурей. Бурей бесформенного крика, скорчившего лицо Хэйла. Не сильно – окаменевшее от долгой апатии тело неспеша обретало пластичность. Но под жестким, разъяренным воплем лицо прогнулось, разойдясь складками. И я чувствовал это...

– ...**ал меня! Молчишь и улы...** – едва узнаваемый в неистовом вопле девичий голос оставлял складки не только на лице, но на сердце. – **Сделай же что... атит с меня такого отно...** – розовый туман наполнился кровью.

Тяготящая вата с запахом металла не давала разглядеть ничего, помимо темно-зеленых глаз, смотрящих с укором. Со злобой, стремительно перерастающей в ненависть. Но отчего? Ведь Хэйл ничего не делал. Оттого, что не делал... ничего?

– **Я ничего** для тебя не значу! – глаза заблестели слезами. – Просто какая-то мошка! Кружу, жужжу, не кусаю и **ладно!** Тебе плевать! **Всё равно!**

Голос становился всё четче, покуда туман оседал. И темно-зеленые глаза уже не казались такими уж темными. Сухие губы разомкнулись, рука слабо потянулась вперед. В ушах застучало напряжение. Гнет труда, втоптывающего в болезненное отчаяние. Старания... Для других? Так всегда было. Но теперь что? Подал голос, протянул руку. Без просьбы, но для неё. Или себя? Нет... ради *них*.

– Ты нуж-

Крик подавил его голос. Её крик, обретающий телесность, заталкивающий слова обратно в глотку. Толчок в грудь, жесткий, не смягчаемый ватой, которую Хэйл оттолкнул от себя в порыве ответить. Дребезжащее напряжение болью разнеслось по телу.

– Почему бы тебе просто не сдохнуть? Бессердечный, ленивый убудок! **Сдохни!**

– Сдохни, черт возьми! – сменив искаженный, нечеловеческий крик, донеслось до меня недовольство вполне реального, грубого мужского голоса.

Топот не менее десятка ног со всех сторон дезориентировал не меньше, чем окружавший меня полумрак ночи. В центре в это время светлее – на окраине действительно можно понять, что наступила ночь. Несмотря на темноту, открыв глаза, я сразу начал осознавать происходящее, наблюдая за причудливой картиной: со стороны города стремительно приближалась толпа, состоящая преимущественно из крупных, если не сказать тучных, мужчин. Они, пытая и кряхтя, злобно перебирали ногами, между делом выкрикивая ругательства. А во главе мужицкого марша, хотя скорее просто впереди всех, бежала более тонкая и энергичная фигура, вдруг присвистнувшая. Откликом на это стало шуршание травы подле меня – как заведенные на ноги вскочили Песик, покотившийся колесом навстречу толпе, Беся, цыкнувшая и пробормотавшая что-то отдаленно похожее на «наконец-то», Ромео и Феня. И если первые трое вскоре поравнялись, встретив озадаченно замедлившуюся толпу, то Феня, волоча то одну, то другую ногу, сильно отстал, постанывая себе под нос «проклятье... проклятье».

Но для него ситуация скорее стала благословением – впереди раздалась крики, уже не с угрозами, а крики боли. Пролилась кровь – миниатюрная на фоне мужчин Беся не церемонилась, рассекая ладонь, выставленную кем-то на защиту своего лица. «Лидер», бежавший впереди, тут же развернулся, резким и размашистым пинком сбивая с ног сразу двоих из толпы. Песик довольно напрыгнул на опустившуюся спину одного, а затем и другого мужчины, с хохотом скача по ним как по кочкам, прижимая грудью к земле пытавшихся встать. А Феня только доковылял, дёргано осматриваясь, не находя проблем на свою тушку.

– Что происходит? – спросил я в пустоту.

– Драка, – за пустоту ответил Иннокентий, сидевший неподалеку.

– Драка?

– Изначальная цель вылазки, – пояснил он, звучно разрывая какую-то ткань. Кусок, получившийся меньшим, лег поверх кучки таких же кусочков, лежавших поверх небольшого холмика рваной травы. – Угрожающая жизни общественно полезная деятельность...

Не смотря на происходящее, Пятый спокойно продолжал рвать ткань, бывшая прежде бежевой водолазкой, на небольшие полосы, отдавая этому большую часть своего внимания. Так, наверное, и он может пострадать. От случайности. Как Момент? Его тело по-прежнему лежало на небольшом отдалении, что я и приметил краем глаза. Однако... теперь без какой-либо одежды. В полумраке его кожа казалась бледной. Подходящий цвет для мертвеца. Вздрогнув, я вернул взгляд на толпу, слышав певучий голос:

Что вы, что вы не кричите?

Нашей смерти не хотите?

Мы теперь для вас друзья?

Или стал вам мил лишь Я?

Сухмылкой затынул Ромео, закружив меж замахов взбешенных мужчин, раздавая хлесткие шлепки по затылкам и бокам, едва ли участвуя в драке всерьез.

– Завались, шкед! – рявкнул только что шлепнутый мужик, разворачиваясь и набрасываясь на Шекспира.

Но его остановил Герой, железно хватая за шиворот. Он и привел их сюда, убегая от них... А теперь, с широкой улыбкой нависнув над схваченным, сумасбродно захохотал, резко бросая озадаченного мужчину через плечо. Свалившись на землю, поверх другого поваленного, мужик хрипло застонал. А тот, что под ним – ни звука. Одно лишь глухое хлюпанье от лужицы, растекавшейся по асфальту.

Грустно, грустно, что сказать!

Нам хотелось поиграть...

Ну а вы скучнее тучи!

Я вас бьет – ложитесь в кучи!

Запел Ромео, захлопав в ритм ладонями сперва по самому себе, но с наскоком на него ещё одного мужчины, по нему.

– Неплохо! Запиши потом, – поддержал поэта Герой, показав большой палец вверх.

Отвлечшись на это, он упустил момент... И крупный мужик подхватил его на руки и с громким напряженным воем отшвырнул в сторону. Не слишком далеко, всё же Я весил не менее 150 фунтов. Но достаточно далеко, чтобы тот оказался неподалеку от меня. Пропахав грудью широкую полосу земли, он приподнялся на руках, вскидывая голову. Наши взгляды сошлись. Удивление на лице Героя сменилось усмешкой.

– Лодырям привет!

– Помнится, мне разрешено не делать того, что противоречит моей вере, – не отрываясь от своего дела, выдержано сказал Иннокентий.

– Да-да, не распаяйся, пепелок, это было им, – подскочив на ноги, не убирая рук с земли, Герой с силой лягнул набежавшего на него мужика, выдавшего себя бессвязным криком.

– Им? – тут же спросил я, почувствовав противоречие.

Нас было двое – Пятый и я. А сказано – им? Погрузившись в настоящее после причудливого сна, я совсем забылся. Ответ был так близок...

– Тень, Хоть-как, – хватая за кисть мирно сидевшего подле меня Соню, Я вытянулся во весь рост, вталкивая его в разбившуюся на несколько мелких кучек толпу. – Не отлынивать! **Покажите мне что-нибудь любопытное!**

Эти слова *разнесли* в голове эхом, заглушив все прочие звуки. Будто ничего другого и вовсе не было. Только его слова... и красная кофта. Да, во мраке ночи, я вдруг увидел красную вспышку. Алая ткань растянулась, замкнув в себе весь мир. Красная материя овладела не только обзором, но всем мной изнутри, поднимая на ноги, вталкивая в бой, точно как руки Героя Соню. Но меня они не касались. Меня привела в движение... краснота.

– Недурно! Вполне себе любопытно! – с хлесткими, громкими, но не быстрыми хлопками доносился до меня голос Я.

Краснота, застилавшая взор, отступала. Приливами приходила боль. Заныла правая щека, левый бок онемел. Накрывшая слабость заставила свалиться на колени, но упасть пластом не позволил Песик, севший на корточки прямо напротив меня. Пристально глядя в упор лучащимися желтыми глазами, он улыбался до треска губ, тяжело дыша. Мне хотелось спросить его о чем-то, но сил не было даже продолжать держать глаза открытыми.

– Правда, мог бы хоть разок ударить кого-нибудь, а не только уклоняться, – продолжал Герой, чуть устало вздыхая, но сразу затем распаясь тараторящей речью. – Но для новичка пропустить всего два удара в этой заварушке – не просто «ого»! Скорее даже «ого-го»! А может и «эге-гей!». Впечатляюще, в общем.

– Меня били? – спросил я достаточно глупую вещь, и без того ощущая ответ. Выключить.

– Ага! Хотя, в сравнении с боями в клубе, это и ударами не назвать. Безвольные старички нам не соперники, – падая отдыхать на землю, бросил Я.

– Старички? – едва вслух проговорил я, шатаясь в попытках встать.

Отсутствие боли не спасло от отсутствия сил в неумелых конечностях. Тело тряслось и сгибалось, точно полусырая макаронина в руках больного Паркинсоном. Схватив за плечи, меня дополнительно растряс Песик, восхищенно восклицая:

– А ты гибкий! И плавный, как лист на ветру! Поиграем?

Я, кажется, понимал, что я не был в состоянии для каких бы то ни было игр, отчего окликнул вроде и всех, но отдельно и непоседливого рыжего парнишку:

– Вижу, кто-то ещё пышет энергией! Тогда с чисткой начнем пораньше, без перерыва.

– Да-да, с идеей недурной указ, – вставил свою ремарку Ромео, звуча слегка беспокойно.

– Не то будет как в тот раз...

Песик довольно закивал, вдруг с силой нажав мне на плечи, отталкиваясь ногами и, тем самым, перепрыгивая меня через голову. С озорным хохотом тот побежал к сваленным в кучку мужикам, начиная шарить по карманам курток, штанов. Но он оказался единственным, кто послушался указания Героя.

– А чего как в тот раз? В тот раз было отлично! – утомленным, однако всё ещё не лишенным злобы и агрессии голосом цедила Беся через зубы, стирая ладонью кровь с ножа. – Столько крови, столько криков! Я подожду, пусть оклемаются... Раз уж жизнь их ничему не учит, – свалившись с ног, девушка прошипела.

Её блуждающий взгляд невольно столкнулся с моим, тут же преисполнившись большим чувством. Оскалившись, та с натянутой ухмылкой стала слизывать кровь с пальцев, корча гримасы. Чуть позади неё я заметил Шекспира, безмолвно и беззлобно закатившего глаза. Он слегка волочил ногу, а кроме того поддерживал одну руку другой. Но и в таком виде, приметив моё внимание, ответив на него чуть болезненной улыбкой, поэт не воздержался от продолжения «песни»:

Дело было в день далекий,

Бились с ночи в утро!

Лидер наш, он недалекий,

Решил, что будет мудро...

Оставить дураков валяться,

Типа, всё окей!

А нам указ дал –

Отдыхаться, побили ж упырей...

А те поднялись кое-как,

Схватили тряпку в руки.

Об этом помнишь ли, Хоть-как?

Её страшные муки...

Растягивал свой нескладный слог Ромео, стараясь подобрать какое-то подобие ритма. Разум зацепился за слово, выбивавшееся из всякого контекста.

– Тряпку? – спросил я, чувствуя, что это слово значило вовсе не то, о чем я мог бы предположить.

– Помолчал бы... – внезапно вмешался Феня, не отрывая взгляда от собственных рук. Оголенные по локти, они были испещрены крупными синяками и длинными шрамами. – Нечего о неженке вспоминать. Беду накличешь не хуже моего проклятья.

– Это так работает? Что же, тогда воздержусь... – ухмыльнувшись, заковылял дальше, вглубь обочины, поэт. – Мне хватает того, что моё сердце околдовано. Подставиться под другие чары – своего рода измена!

Феня с глубоким вздохом поплелся к кучке мужчин, видно собравшись помочь Песику. Неровно оборванные рукава растянутого вязаного свитера хлопали о предплечья при шаге. Тяжело опустившись на колени, он поморщился, но тоже начал выворачивать и вытряхивать в основном пустые карманы падших.

– Измена – твои домогательства к Бесе... – пробормотал тот еле слышно.

Однако Ромео, очевидно, услышал его слова, уязвленно прыснув. Притопнув ногой, поэт открыл рот, было собираясь что-то ответить, но затем потупил взгляд, нахмурился. Прикусив губу, он сгорбился, напряженно смотря в землю. Сама же Бесе внезапно подскочила на ноги, рванув к Фене с ножом наперевес.

Быстро, будто пикирующий сокол, и бесшумно, точно взмах крыльев бабочки.

Или же это органы восприятия уступали свою работу воображающему духу... Его трудами этот миг, короткий и быстрый, растянулся передо мной в объёме, как кинолента. Взлет, рывок, замах рукой над Феней. Укол. Пронзенная плоть, брызнувшая кровь. Грубый крик и опустившаяся рука. Уже не девушки, но мужчины, тянувшегося схватить Феню. Мальчишка и не заметил, что обыскиваемый им пришел в движение.

– Тварь! – искаженный болью и гневом выкрик сопровождал отчаянную попытку подняться, ответить силой.

Схватив рукоять обеими руками, Бесе прокрутила его в груди мужчины, перерывкая его крик. Выхватив второй нож из шлевки, девушка яростно воткнула его подле другого. Вытащила и воткнула снова. Колола и колола, вопя:

– Да, черт возьми! *Тварь, тварь!* – упиваясь яростью мужчины, Бесе лишь пуше распалась, заливаясь смехом. – Ненавидь меня! Хочешь же, чтоб сдохла? А сдохнешь сам, ничтожество!

Злость, дававшая мужчине энергию, стремительно угасла. Злоба истлела, обнажив за собой боль. Предсмертные муки сковали лицо, запечатав болезненную гримасу. Заметив это, девушка не остановилась. Наоборот, зажмурил глаза и стиснув зубы, Бесе активнее, с яростным криком колотила тушу мужчины, перемалывая злосчастного в труху. Бесчисленные удары вылились в бесчисленные брызги крови, запачкавшие и Феню, Песика, остававшихся рядом.

– Холодно... и мерзко. Опять эта гадость, – заскулил Феня, обняв себя за плечи. – Проклятье... Не избиение, так кишочный душ. Меня сейчас стошнит.

– Прохлада! – Песик с растянутой блаженной улыбкой растирал окропившие его капли по коже. – Самое то после активных игр!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.